Грум-Гржимайло

Почему китайцы
рисуют демонов
рыжеволосыми?
1899

Ж 97
147

Г 97
147

ПОЧЕМУ КИТАЙЦЫ РИСУЮТЪ ДЕМОНОВЪ РЫЖЕВОЛОСЫМИ?

(Къ вопросу о народахъ бѣлокурой расы въ Средней Азіи).

Изслѣдованіе

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Балашевъ и К°». Фонтанка, 95.
1899.

F97
147

ПОЧЕМУ КИТАЙЦЫ РИСУЮТЪ ДЕМОНОВЪ РЫЖЕВОЛОСЫМИ?

(Къ вопросу о народахъ бѣлокурой расы въ Средней Азіи).

Изслѣдованіе

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Балашевъ и К°». Фонтанка, 95.
1899.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, іюнь 1898.

2007050455

Изслѣдованіе вопроса о томъ, почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми, привело меня къ нижеслѣдующимъ выводамъ:

Однимъ изъ до-китайскихъ народовъ, населявшихъ бассейнъ Желтой рѣки, были рыжеволосые ди.

Эти ди, дѣлившіеся на множество общинъ, которыя управлялись выборными старшинами, вышли побѣжденными изъ борьбы съ китайцами, распространявшими свою власть изъ Шань-си, и цянами, спустившимися въ Китайскую низменность съ Тибетскаго нагорья. Часть ди ушла при этомъ на сѣверъ отъ Гобійской пустыни, часть же выселилась въ Сы-чуань и Юнь-нань, гдѣ встрѣтила родственныя племена, уже успѣвшія перемѣшаться съ автохтонами южнаго Китая, принадлежавшими къ негритосской расѣ.

На сѣверѣ ди дали съ черноволосыми маньчжурскими, тюркскими и финскими элементами цѣлый рядъ смѣшанныхъ племенъ, къ числу коихъ въ древности относились — ухуань, тоба, уйгуры и киргизы, а, можетъ быть, и угорскія племена; въ настоящее же время наиболѣе дискихъ чертъ сохранилось у тунгусовъ и сойотовъ; вѣроятно также, что нѣкоторые енисейскіе роды являются прямыми потомками дисцевъ; послѣднимъ же слѣдуетъ приписать и, такъ называемыя, чудскія могилы.

Подобное же поглощеніе рыжеволосаго элемента черноволосымъ происходило и на югѣ, но тамъ процессъ этотъ замедлился, благодаря топографическимъ условіямъ страны.

Не смотря на столь незавидную судьбу, постигшую ди, они успѣли оставить глубокій слѣдъ въ китайской исторіи. Чжоу были дисцы. На почвѣ религіозныхъ воззрѣній послѣднихъ возникли въ Китаѣ

конфуціанство и даосизмъ. Дикій культъ предковъ (гуевъ) перешелъ и къ китайцамъ, которые стали, по традиціи, изображать ихъ рыжеволосыми, при чемъ въ ихъ представленіи гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами-демонами.

Поводомъ же къ настоящему изслѣдованію послужила живопись, которой украшены были внутреннія стѣны старой кумирни въ предмѣстьи Нань-гу-чэна (южнаго стараго города), городка, лежащаго къ югу отъ Гань-чжоу-фу, въ провинціи Гань-су.

Янъ-ванъ.

Картина изображаетъ нѣкоторые отдѣлы ада, въ которыхъ грѣшниковъ подвергаютъ всевозможнымъ истязаніямъ: ихъ варятъ въ кипяткѣ, распинаютъ на крестѣ головой вверхъ и головой внизъ, имъ вылущиваютъ глаза, вырываютъ языкъ, ихъ четвертуютъ, рѣжутъ на куски, обдираютъ съ нихъ кожу, сажаютъ на колъ, толкутъ въ ступѣ, поджариваютъ на сковородѣ, скальпируютъ, распиливаютъ пополамъ, у нихъ вырѣзаютъ внутренности, имъ разбиваютъ черепъ и предаютъ множеству другихъ мученій. Все это дѣлаютъ „гуи“—демоны по приказанію князей—вановъ, управляющихъ десятью отдѣлами ада. Фигуры этихъ палачей и одного изъ десяти князей ада — Янъ-вана въ точныхъ копіяхъ представлены на прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ. Въ художественномъ отношеніи они не заслуживаютъ, конечно, особеннаго вниманія, но за то они представляютъ крупный интересъ въ другомъ отношеніи.

Художникъ хотѣлъ придать „шоу-гуямъ“ отталкивающій, свирѣпый видъ, князь же ада нарисованъ безъ всякой утрировки: это рыжеволосый, краснолицый и широкоскулый субъектъ съ большимъ, круглымъ носомъ и голубыми, глубокосидящими глазами, густыми нависшими бровями, столь же густыми усами и бородой клиномъ. Это не плодъ воображенія художника, это—портретъ. Но кто могъ служить ему оригиналомъ? Ужъ, конечно, не современный европеецъ, такъ какъ китайцы только потому и величаютъ европейцевъ „янъ-гуй-цзы“—заморскими чертями, что своихъ гуевъ искони рисовали рыжеволосыми.

Въ послѣднее время вновь было сдѣлано нѣсколько попытокъ доказать, что китайцы пришли въ бассейнъ р. Хуанъ-хэ (то-есть въ „Страну цвѣтовъ“) съ запада [1]). Но нѣкоторые синологи [2]) отнеслись

---

[1]) *Terrien de Lacouperie* (труды, въ которыхъ онъ проводилъ эту мысль, слѣдующіе: „Early history of chinese civilisation“ (1880); „The Yh-king“ въ „The Athenaeum“, 1882, № 21, Jan., 9 и 30 Sept.; „Chinese and Akkadian Affinities“ въ „The Academy“, 1883, № 20 Jan.; „Early Chinese literature“, ib, № 28 Jul.; „The affinity of the Ten Stems of the Chinese cycle with the Akkadian Numerals“, ib., № 1 Sept., „The Chinese mythical kings and the Babylonian Canon“, ib., № 6 Oct.; „Traditions of Babylonia in early Chinese documents“, ib., № 17 Nov.; „The oldest book of the Chinese and its authors“ въ „Journ. R. Asiat. Soc.“, n. s., 1882, XIV, 4, 1883, XV, 2; „Babylonian and old Chinese measures“ въ „The Academy“, 1885, № 10 Oct.; „Babylonia and China“, ib., 1886, № 7 Aug.; „The languages of China before the Chinese“, 1887; „Origin from Babylonia and Elam of the early Chinese civilisation“ въ „Babylonian and Oriental Record“, 1889, №№ 3—8 и 10; „The old Babylonian characters and their Chinese derivates“, ib., 1888, № 4; „From ancient Chaldea and Elam to early China: an historical loan of culture“, ib., 1891, № 2—4, и др.). Къ нему примкнулъ *de Harlez* („Les réligions de la Chine“ въ „Muséon“, 1891, стр. 157). Но еще раньше высказалъ ту же мысль *Deguignes* („Mémoire dans lequel on prouve que les Chinois sont une colonie égyptienne“, 1758; полемическую литературу по сему предмету см. у *Cordier* — „Bibliotheca sinica“, I, стр. 230), а затѣмъ *Biot* („Le Tcheou-li ou rites des Tcheou“, I, стр. V, и „Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise“ въ „Journal Asiatique“, 4 série, VII, стр. 174—175), *Legge* („The Chinese Classics; with a translation, critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes“, III, 1, prolegomena, стр. 189, V, proleg., стр. 134) и мн. др. См. также *Richthofen*—„China“, I, стр. 339—343 и 428; *Георгіевскій*—„О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 61, 65; оба выводятъ китайцевъ изъ бассейна Тарима; наконецъ, *Klaproth* („Asia polyglotta“, стр. 356) полагаетъ, что китайцы спустились въ долину Хуанъ-хэ съ Куэнъ-луня. Того же мнѣнія держался и Biot.

[2]) *Hirth* („Ueber fremde Einflüsse in der Chinesischen Kunst“, 1896, стр. 2); *Chavannes*, „Journal Asiatique“, 1897, стр. 531).

попрежнему къ этой гипотезѣ отрицательно; однако, и тѣ и другіе сошлись въ томъ, что, примѣрно, за XXV столѣтій до Р. Хр. китайцы занимали лишь ничтожную часть территоріи современной Китайской имперіи, а именно, южную половину Шаньси съ прилегающими къ ней частями провинцій Шэнь-си, Хэ-нань и Чжи-ли [1]). Эта страна называлась „Страною цвѣтовъ"; во всѣ же стороны отъ нея въ необозримую даль уходили лѣса и луга, заселенные дикими пастушескими и охотничьими племенами [2]).

Шоу-гуй.

Шоу-гуй.

Много вѣковъ прошло прежде, чѣмъ китайцы, раздвигая свои владѣнія въ ширь и глубь, вырубая лѣса и осушая болота, побѣждая дѣвственную природу и оттѣсняя дикарей, достигли, наконецъ, береговъ Янъ-цзы-цзяна и Желтаго моря [3]). Ихъ колонизаціонное движеніе въ восточной Азіи въ эту эпоху можно сравнить съ колонизаціоннымъ движеніемъ европейцевъ въ Сѣверной Америкѣ. Подобно

---

[1]) См., однако, *Richthofen*—„China", I, стр. 340—341.

[2]) *Richthofen*, op. cit., стр. 344—345; *Георгіевскій* — „Первый періодъ Китайской исторіи", стр. 258.

[3]) *Plath*—„Ueber die Verfassung und Verwaltung China's unter den drei ersten Dynastieen" въ „Abhandlungen der k. bay. Akademie der Wiss.", I Cl., X, 2, стр. 7; *Terrien de Lacouperie*—„Les langues de la Chine avant les Chinois" въ „Le Muséon", 1887, VI, стр. 107, и др.

краснокожимъ индѣйцамъ, автохтоны, населявшіе бассейны огромныхъ китайскихъ рѣкъ, уходили передъ китайцами, не столько побѣждаемые оружіемъ, сколько надвигавшеюся на нихъ культурой.

Это было время Яо, Шуня и Юя, славныхъ устроителей Китайскаго государства [1]).

И такъ, китайцы уже на зарѣ своей исторической жизни являются культурнымъ народомъ; разсадникомъ же этой культуры служитъ страна, обнимающая едва $^1/_{30}$ часть современнаго Китая. Лучи китайской культуры освѣщаютъ нынѣ болѣе половины стараго континента; но никто изъ синологовъ, отрицающихъ гипотезу Terrien de Lacouperie, не отвѣтилъ еще на вопросъ, какъ могла эта культура зародиться, развиться и достичь высокаго совершенства у одинокаго небольшаго племени короткоголовыхъ [2]), разобщеннаго со всѣмъ остальнымъ міромъ волнами дикихъ народовъ и необъятными пространствами дѣвственныхъ странъ. Hirth довольствуется тѣмъ, что указываетъ, что въ области чистыхъ искусствъ Китай развивался самостоятельно до начала нашей эры, когда впервые на его орна-

---

[1]) Китайцы никогда не забывали ставить въ примѣръ своимъ государственнымъ дѣятелямъ этихъ первыхъ вождей китайскаго народа. Такъ, въ „Го-юй“ мы читаемъ: „Les anciens rois faisaient briller leurs vertus et ne montraient point leurs armes (ils gagnaient, soumettaient les peuples bien plus par leurs vertus en leur gouvernement que par la force des armes)“, говорилъ Ма-фу, князь удѣла Цзи, князю Му-вану... „Ainsi nos anciens rois ne recouraient pas principalement aux armes. Ils avaient surtout à cœur de montrer leur bienveillance au peuple en ses peines, de lui donner la paix et d'écarter de lui tous les maux. Ainsi nos anciens rois réglaient les choses de leur domaine à l'intérieur de leurs états particuliers et celles des princes feudataires en dehors de ces états“ (*de Harlez* — „Koue-Yu ou Discours des Royaumes“ въ „Journal Asiatique“, IX série, II, стр. 379—383).

Замѣчательно, что слова — „правительство“ и „теченіе рѣки“ обозначались у китайцевъ однимъ и тѣмъ же іероглифомъ. Это доказываетъ, что государственный строй Китая развивался постепенно изъ первобытнаго земледѣльческаго коммунизма, центральная же власть появилась впослѣдствіи и обязана своимъ возникновеніемъ ирригаціонной системѣ и необходимости поддерживать ее въ порядкѣ (см. *Кржижицкій*—„Антропологія“, стр. 133).

[2]) *Георгіевскій*, op. cit., стр. 259, высказываетъ предположеніе, что первобытные китайцы были бѣлокурой расой; но приводимое имъ въ защиту этого предположенія доказательство (іероглифъ „хуанъ“, обозначающій понятіе „государь“, состоитъ изъ іероглифовъ „бай“—бѣлый и „ванъ“—царь) опровергается ниже имъ же самимъ; у монголовъ, говоритъ онъ, князья именуются „бѣлой костью“.

ментахъ стали обнаруживаться чуждыя западныя вліянія [1]). Но такъ-ли это, и на столько-ли намъ извѣстна археологія Востока, чтобы строить такія смѣлыя заключенія? Не окажутся-ли, напримѣръ, такъ называемые „гу"—высокія башни, возводившіяся государями Чжоуской династіи и совершенно забытыя только при Юаняхъ, копіями съ уступчато-пирамидальныхъ храмовъ Ассиріи? А ирригаціонное искусство? Оно могло зародиться въ сухой Сиріи и Иранѣ, но не въ „Странѣ цвѣтовъ", не въ прежнемъ Китаѣ, обильномъ лугами и лѣсами и прекрасно орошенномъ огромными водными системами Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Нынѣ Китай весь распаханъ, его лѣса уничтожены, его лёссовая поверхность изрѣзана оврагами и тальвегами; все это въ совокупности высушило его почву, во много разъ увеличивъ и ея испаряемость; теперь онъ, дѣйствительно, нуждается въ орошеніи; но тогда? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ мы видимъ китайцевъ, занимающихся канализаціей уже за двадцать вѣковъ до Р. Хр. Ясно, что при обработкѣ полей ими примѣнялись не ими самими выработанные, а унаслѣдованные пріемы. Не доказываетъ-ли это, что китайцы были народомъ пришлымъ, а не аборигенами земель бассейна р. Хуанъ-хэ? Но если они были пришельцами, то откуда же, какъ не изъ окрестностей того древнѣйшаго очага культуры, который находится въ передней Азіи и куда искони сходились народы разныхъ расъ и языковъ какъ бы для того только, чтобы сложить тамъ въ одну сокровищницу знаній созданія своего генія [2])?

---

[1]) „Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst"; „Zur kulturgeschichte der Chinesen", Sonderabdruck aus der Beilage zur „Allgemeinen Zeitung", № 147 и 148, vom 6 und 7 Juli, 1898, стр. 8).

[2]) Припомнимъ также, что китайцы понятіе „умереть" выражаютъ словами „гуй-си", что значитъ—возвратиться на западъ, что у нихъ существуетъ легендарное сказаніе о томъ, что они пришли въ бассейнъ Желтой рѣки съ запада (см. *Георгіевскій*—„О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ", стр. 61).

Наконецъ, нельзя также не обратить вниманія на тождественность китайскихъ словъ для обозначенія — „обрабатывать землю" (ли, лю) и соха (лэй) съ соотвѣтственными словами западныхъ народовъ; но тогда какъ у китайцевъ они имѣютъ узкотехническое значеніе, на западѣ они захватываютъ и понятія, свойственныя менѣе высокой культурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ:

I. Въ арійскихъ языкахъ:

корни типа RK

RUK греч. ὀρύσσω, болѣе древнее ορυχ (рыть); латинск. — *runco* (полоть).

RU русск.—*ровъ*, *рыть*, *рвать*, и т. д.

Китайцы нѣкогда называли себя „народомъ ста семействъ“ [1]), какъ бы указывая на свою первоначальную малочисленность. Иначе они называли себя еще „черноволосыми“ [2]), можетъ быть, въ отличіе отъ племенъ, тогда обитавшихъ къ сѣверу отъ Желтой рѣки [3]).

О послѣднихъ китайцы сообщаютъ намъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были рыжеволосами [4]).

Уже за XV столѣтій до Р. Хр. китайцы различали четыре расы дикарей. Жившихъ на сѣверѣ они называли „ди“, жившихъ на востокѣ — „и“, на югѣ — „мань“ и на западѣ—„жунъ“. Георгіевскій такъ и говоритъ, что инородцы различались китайцами по четыремъ странамъ свѣта [5]). Но такое разселеніе главныхъ инородческихъ расъ, составлявшихъ первобытное населеніе Китая, конечно, только случайность; къ тому же мы видимъ жуновъ не только на западѣ, но

ARU греч. *ἀρόω*, русск. *орать*, и т. д.

RIK древн. *roika* =рѣка; RJGH латинск. *rigare* (орошать), готское—*rign* (дождь).

RIV, RI латинск. *rivus* (ручей, потокъ, канава), русск. *ринуться*, кельтск. *renos* (Рейнъ).

II. Въ семитическихъ языкахъ:

RWJ { еврейск. *ri*, болѣе древн. *rawi* (орошеніе), *rewch* (орошаемый). арабск. *rawaj* (орошать), *rajjun*, болѣе древн. *rawjun* (дождь).

Наконецъ, въ тибетскомъ письменномъ языкѣ имѣются также слова этого типа; такъ, *rko* значитъ—онъ роетъ (канаву), *rka* — отверстіе изъ большого водоема въ меньшій, мѣсто развѣтвленія арыковъ, мѣсто выхода арыка изъ рѣки. Конечно, и слово „арыкъ“ того же происхожденія. Бельтиры называютъ сентябрь—*орчакъ-ай*, то-есть мѣсяцемъ *жатвы*.

Этой справкой я обязанъ г. Маршалю, которому и приношу здѣсь глубочайшую благодарность.

[1]) *Plath*, ib.; *Biot*, ib.; *de Harlez*—„Les religions de la Chine“ въ „Le Muséon“, 1891, стр. 157; *Terrien de Lacouperie* не соглашается съ такимъ объясненіемъ словъ „бэ-цзя-синъ“ (peh-kia-sing). См. „Le Muséon“, 1888, стр. 208—209.

[2]) *De Harlez*, ib.; *Plath*, ib.; *Biot*, ib.; ср., однако, *Георгіевскаго*—„Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 240, примѣчаніе.

[3]) *Biot*, ib., говоритъ даже: „*sans doute* par opposition à la couleur différente ou mêlée des cheveux de la race indigène“ etc.: см. *его-же*.—„Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise“ въ „Journal Asiatique“, 4 série, VII, 1846, стр. 174. Того же взгляда держится и *Legge* — „The Chinese classics“, III, 1, proleg., стр. 191.

[4]) Правильнѣе было бы сказать: „не черноволосыми“, потому что у китайцевъ и японцевъ подъ именемъ „рыжихъ“ были извѣстны не только, дѣйствительно, рыжеволосыя племена, но и бѣлокурыя, а также темнорусыя.

[5]) „Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 236.

и въ провинціяхъ Хэ-нань, Ань-хой, Чжи-ли и Шаньдунъ [1]), изъ чего не можемъ не заключить, что китайцы различали окружающихъ ихъ инородцевъ не по мѣсту ихъ жительства, а по расовымъ ихъ особенностимъ.

Къ какимъ же расамъ относились эти четыре группы инородцевъ? Объ этомъ судить теперь съ достовѣрностью трудно, но вообще принято думать, что „и“ по языку и по расѣ принадлежали къ тагало-малайскому типу, „жуны“ по языку къ тибетско-бирманскому, по расѣ же къ переходному типу между малайскимъ [2]) и монгольскимъ, „мани“ по языку частью къ индо-китайскому, частью же къ тибетско-бирманскому, по расѣ же, главнымъ образомъ, къ европейскому типу, значительно, однако, смѣшавшемуся съ первобытнымъ чернымъ. Къ европейскому же типу отношу я и „ди“.

Инородцевъ „ди“ принято почему то считать народомъ тюрко-монгольской расы и языка [3]). Я постараюсь доказать, что мнѣніе это ошибочно.

Первыми тюрками, съ которыми насъ знакомитъ исторія Средней Азіи, были хунны.

Сы-ма-цянь говоритъ: „еще до временъ государей Тханъ (Яо) и Юй (Шунь) находились поколѣнія „хянь-юнь“ и „хунь-юй“ [4]), Цзинь-чжо, комментируя это мѣсто „Шы-цзи“, пишетъ: „во времена государя Яо (хунны) назывались „хунъ-юй“, при династіи Чжоу—„хянь-юнь“, при династіи Цинь — „хунъ-ну“ [5]). Вообще же, мы *нигдѣ* у китайскихъ историковъ не встрѣчаемъ *отождествленія ди съ хуннами* [6]). Что же касается первыхъ, то у Сы-ма-цяня мы находимъ слѣдующія, относящіяся къ нимъ, указанія: При упадкѣ благоустройства въ государствѣ Ся (2205—1766), пишетъ онъ, Гунъ-лю лишенъ

---

[1]) *Георгіевскій*, ib., стр. 237—238.

[2]) Малайскій типъ въ свою очередь является смѣшаннымъ; вѣроятно, здѣсь говорится объ индонезійцахъ, наиболѣе чистыми представителями коихъ являются нынѣ даяки (о. Борнео), баттаки (о. Суматра) макассары и бугисы (о. Целебесъ).

[3]) Даже Terrien de Lacouperie держится этого взгляда. См. „Le Muséon“, 1887, стр. 148, примѣчаніе. *Георгіевскій* („О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 79) очень увѣренно высказывается даже за ихъ тунгузское происхожденіе!

[4]) *Іакинфъ*—„Собраніе свѣдѣній о народ. Средн. Азіи“, I, 1, стр. 1.

[5]) *Іакинфъ*, ib., стр. 2.

[6]) Наоборотъ, у этихъ историковъ мы находимъ, напримѣръ, такое опредѣленіе границъ хуннскихъ земель: на западъ онѣ простираются до юэчжи, цяновъ и ди (*Іакинфъ* — „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 1, стр. 15).

былъ должности главнаго попечителя земледѣлія. Онъ бѣжалъ къ западнымъ инородцамъ и построилъ городокъ Бинь [1]). По прошествіи слишкомъ 300 (болѣе 400) лѣтъ инородцы „жунъ-ди“ стали тѣснить потомка Гунъ-лю, князя Шань-фу. Послѣдній бѣжалъ къ горѣ Цишань, гдѣ построилъ городъ, и положилъ основаніе дому Чжоу [2]). Далѣе же сказано: „Вынь-Вунъ, князь удѣла Цзинь, прогналъ „жунъ-ди“, поселившихся въ Хэ-си, между рѣкъ Инь-шуй и Ло-шуй, подъ названіями „чи-ди“ и „бай-ди“ [3]).

Отсюда видно, что „жунъ-ди“ были предками красныхъ и бѣлыхъ ди; дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у Іакинфа переведено „жунъ-ди“, Георгіевскій говоритъ или о „жупахъ“ или только объ однихъ „ди“ [4]). Plath также пишетъ: „Als Tscheu Thaiwang (Tan-fu, у Іакинфа—Шань-фу), 1327 v. Chr., in Pin (Бинь) wohnte, machten, nach Mengtseu, I, 2, 15 1, die Ti-jin (Männer) beständig Einfälle [5])“. „Der Sse-ki Tscheu pen-ki B. 4. f. 4, v. flg. lässt die „Jung“ und „Ti“ den alten Tan-fu angreifen. Nach f. 2 und 15 gab Pu-kho, der Nachkomme Heu-tsi's (der Dynastie Tscheu), dessen Amt auf und entfloh zwischen den „Jung“ und „Ti“. Der 2 Nachkomme Kung-lieu nahm, obwohl er mitten zwischen den „Jung“ und „Ti“ war, Heu-tsi's Amt indess wieder auf, beackerte das Feld, etc. [6])“.

Итакъ ясно, что Гунъ-лю удалился къ „ди“, гдѣ и принялъ ихъ полукочевой образъ жизни, „претворился въ жуна“, по выраженію Іакинфа [7]). Его потомки положили основаніе удѣлу Чжоу, а засимъ

---

[1]) Въ пров. Шэнь-си. См. *Biot*—„Etudes sur les anciens temps de l'histoire Chinoise“, въ „Journal Asiatique“, 4 série, VII, стр. 407.

[2]) *Іакинфъ*, ib., стр. 3.

[3]) *Іакинфъ*, ib., стр. 6.

[4]) Ср., напримѣръ, *Іакинфъ*, ib, стр. 6, и *Георгіевскій* — „Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 102.

[5]) „Die fremden barbarischen Stämme im alten China“ (Sitzungsber. d. philos.-philol. Cl. der Akademie d. Wiss., 1874, I. стр. 457).

[6]) Ib., стр. 458, и далѣе стр. 463.

[7]) Ib., стр. 3. Китайцы, переселяясь въ страну дикарей, принимали ихъ образъ жизни, одежду и проч.; даже татуировались; см. *Biot*—„Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise“ въ „Journal Asiatique“, 4 série, VII, стр. 410. То же совершается и по нынѣ. У *marquis d'Hervey de Saint-Denys*—„Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin“ („Atsume Gusa“), II, стр. 40, читаемъ: „Les Chinois... subissent l'influence de leurs (Yao) usages, acquièrent leur agilité robuste, exercent les mêmes industries et contractent des mariages avec eux“.

и китайской династіи Чжоу (1122—225), которая была *рыжеволосой* [1]). Такъ какъ Гунъ-лю былъ китаецъ, то свѣтлый цвѣтъ волосъ у царей династіи Чжоу могъ явиться только какъ результатъ метисаціи съ инородцами ди. О случаяхъ подобной метисаціи говоритъ намъ и исторія [2]). Китайскій іероглифъ „ди“ составленъ изъ двухъ іероглифовъ: огонь и собака; поэтому Plath переводитъ слово „ди“ выраженіемъ: „Hunde, die sich am Feuer wärmen“ [3]). Но не проще-ли передать этотъ іероглифъ словами „огненныя (то-есть рыжія) собаки“? Что „ди“ принадлежали къ бѣлой (и, вѣроятно, бѣлокурой) расѣ, подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что среди нихъ были великаны (чанъ-ди) [4]).

Terrien de Lacouperie допускаетъ, что народъ Чжоу, то-есть метисы китайцевъ и ди, а, стало быть, и эти ди, имѣли примѣсь арійской крови [5]); но съ этимъ выводомъ не вполнѣ соглашаются другіе оріенталисты; такъ, de Harlez, напримѣръ, пишетъ: „Дарместетеръ правъ, высказывая сомнѣніе въ арійскомъ происхожденіи [6]) народа чжоу (tcheou), такъ какъ въ пользу такой гипотезы можно привести лишь этническія особенности этого народа и сходство его правовъ

---

[1]) „Toutes les contrées soumises au grand empereur (Yu) n'étaient point placées directement sous son autorité; plusieurs avaient conservé leur chef propre qui se reconnaissait simplement vassal du monarque suprême. Il en était ainsi spécialement de l'état de Tcheou situé au nord-ouest de la Chine actuelle, à l'ouest du coude formé par le Hoang-ho et habité par une population préchinoise. Ce dernier fait est attesté et par la couleur des cheveux de ce peuple qui est uniformément signalé comme étant de couleur rousse, et par les traditions chinoises soigneusement concervées (*Legge*—„The Chinese classics“, IV, p. 484) et par le témoignage même du Shi-king dans les odes consacrées à la gloire de la maison de Tcheou“ (*de Harlez* — „Les religions de la Chine“ въ „Le Muséon“, X, 1891, стр. 158). См. также *Terrien de Lacouperie*—„Les langues de la Chine avant les Chinois“ въ „Le Muséon“, VII, 1888, стр. 215. Китайцы также считаютъ династію Чжоу инородческой; по крайней мѣрѣ, инородцевъ „яо мяо“ они считаютъ потомками чжоу'цевъ (см. *Ивановскій*—„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая“, I, 1, стр. 99).

[2]) *Іакинфъ*, ib., стр. 6; *Plath*. ib., стр. 464.

[3]) Ib., стр. 451.

[4]) Ib., стр. 469, 471.

[5]) „Le Muséon“, VII, 1888, стр 215—216; этотъ ученый замѣчаетъ также: „C'est l'explication scientifique la plus vraie qui puisse être fournie au sujet des mots aryens qu'on trouve en chinois“.

[6]) Это выраженіе должно быть оставлено: есть арійская группа языковъ, но нѣтъ арійской группы народовъ, такъ какъ на арійскихъ языкахъ говорятъ самыя различныя человѣческія расы.

съ нравами арійцевъ, чего, конечно, еще недостаточно для приданія ей желательной достовѣрности; вотъ почему въ своей книгѣ „Les religions de la Chine“ я и назвалъ чжоу'цевъ народомъ докитайскимъ, приближающимся къ арійцамъ своими обычаями [1]).

Но вѣдь подобное предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго? Въ доисторическія времена бѣлая раса имѣла совершенно иное распространеніе, чѣмъ теперь. Ея остатки въ различныхъ градаціяхъ метисаціи и теперь еще сохранились на островахъ Полинезіи и Зондскихъ (индонезійцы—даяки, баттаки, съ острововъ Самоа и т. д.), въ Индо-Китаѣ (въ горахъ Ассама, Бирмы, Читтагонга), въ южномъ Китаѣ (о нихъ мы будемъ говорить ниже [2]), въ Маньчжу-

---

[1]) „La nationalité du peuple de Tcheou“, въ „Journal Asiatique“, 8 série, 1892, XX, стр. 335—336.

Darmesteter не возражалъ, однако, de Harlez'y. Онъ замѣтилъ только: „Cette religion (то-есть религія первобытныхъ китайцевъ), relativement pure et simple, s'altère, selon M. de Harlez, sous la dynastie des Tcheous qui développent le culte des esprits, obscurcissent la personnalité de Schang-ti, introduisent dans la religion à la fois le naturalisme et l'apothéose des héros. M. de Harlez considère cette dynastie comme étrangère et comme ayant subi des influences aryennes. Il y a là une idée certainement nouvelle et qui étonne un peu d'abord, et l'on voudrait trouver exposées avec plus de développement les raisons qui forcent à voir l'action aryenne dans cette vieille période de l'histoire chinoise, les traits précis ou les textes qui la révèlent ou l'attestent, et les voies par lesquelles elle se serait introduite“ („Rapport annuel“ въ „Journal Asiatique“, 1882, стр. 130—131).

[2]) Здѣсь, однако, я считаю умѣстнымъ привести нижеслѣдующую выдержку изъ книги *Desgodins* — „Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires“, стр. 255—256, о внѣшнемъ видѣ населенія юго-восточныхъ окраинъ Тибета.

„On rencontre aussi un certain nombre d'individus au Thibet qui ont absolument le type caucasique ou européen, surtout dans leur jeunesse: figure ovale, front droit, yeux grands et horizontaux, pommettes non saillantes, nez aquilin. Une autre observation est celle-ci: c'est que presque tous les enfants à leur naissance ont les cheveux d'un brun pâle qui disparaît peu à peu et tourne au noir brillant vers l'âge de dix à douze ans. Quelques-uns conservent la couleur châtain foncé toute leur vie. Les yeux thibétains sont bruns ou d'un jaune très foncé“... „La race mosso (это „мосѣ“ въ переводѣ Ивановскаго; о нихъ ниже) est venue dans la partie S.-E. du Thibet par la conquête, il y a peut être trois ou quatre cents ans Le roi mosso de Ly-Kiang-fou, pour maintenir son autorité plaça des colonies de distance en distance, et ces colonies formèrent des villages que l'on rencontre encore aujord'hui sur les bords de la Salouen, du Mékong et du Fleuve-Bleu, jusque vers le 30° de lat. nord. Toutes les forteresses sont actuellement en ruines, mais la race mosso s'est perpétuée, a conservé son langage plus ou moins altéré, et a pris presque toutes les coutumes thibétaines. Pour connaître le vrai Mosso, il faudrait aller l'étudier près de Ly-Kiang-fou dans le Yun-nan. Les Thibétains

рія, въ Японіи (высшій классъ населенія, айно), на крайнемъ сѣверовостокѣ Сибири (коряки, чукчи) и въ Сѣверной Америкѣ (калоши и др. племена) [1]); наконецъ, въ сѣверномъ Китаѣ и по настоящее время сохранился еще длинноголовый типъ [2]). Слѣды крови бѣлой расы

---

méprisent les Mosso incorporés au Thibet, très probablement métisés et surtout dégradés. Quand aux traits physiques, ils sont bien altérés et ne représentent plus le vrai type mosso; cependant on peut encore le reconnaitre à certains caractères: front plus fuyant, nez plus aquilin, les os maxillaires inférieurs moins écartés, menton plus fuyant que chez le Thibétain. Ces différences donnent quelque chose de plus délicat à la figure des enfants et des jeunes gens".

Не менѣе интересны и замѣчанія *Colborne Baber'a* о черныхъ лоло (хэй-лоло).

„Les Lolos sont d'une race dont la taille dépasse beaucoup celle des chinois; leur taille dépasse même peut être celle d'aucun peuple d'Europe. Ils sont, presque sans exception, remarquablement bien bâtis, sveltes et musclés. Leur poitrine est forte... Leur résistance à la fatigue et l'allure rapide avec laquelle ils escaladent leurs montagnes sont prodigieuses et devenues proverbiales parmi les chinois. De grands yeux horizontaux éclairent leur belle face ovale qui est brun rouge chez ceux qui vivent le plus au grand air. L'os des pommettes est saillant sans exagération, le nez est arqué et plutôt large, la forme pointue de leur menton épilé est caractéristique" („Travels and Reséarches in the interior of China", стр. 58 и слѣд.; цитировано по Devéria—„La frontière sino-annamite", стр. 143—145).

Francis *Garnier* пишетъ о Ho-nhi (во-ни у Ивановскаго): „La population de T'a-lang se mélange dans une proportion très considérable de sauvages auxquels les chinois donnent le nom de Ho-nhi. Ils ressemblent comme costume aux Khas khos, mais ils sont plus beaux et plus forts: ce sont les têtes, qui se rapprochent le plus de notre type occidental. Les femmes sont excessivement vigoureuses... A Yuan-kiang la physionomie des habitants est assez profondément altérée par le mélange avec les races sauvages des environs, surtout avec les Ho-nhi, pour perdre presque complètement son caractère chinois" („Voyage d'exploration en Indo-Chine", I, стр. 437; цит. по Devéria, op. cit., стр. 136—137).

Kreitner (op. cit., стр. 293), въ свою очередь, нашелъ у племени Pa-yü особенности кавказскаго типа ясно выраженными.

Возможно также, что отраслью дисцевъ, въ доисторическія времена проникшею далеко на югъ, до центральныхъ провинцій Индіи, должны считаться и такъ называемыя арійскія племена, удержавшія еще свою независимость, напримѣръ, „бильсы", живущіе въ горахъ бассейна верхней Нербудды. Ихъ характеризуютъ въ такихъ выраженіяхъ: „бильсы отважные и воинственные горцы. Они распадаются на многочисленные роды, находящіеся во взаимной враждѣ. Поселки ихъ окружены изгородью; каждая хижина является въ то же время и укрѣпленіемъ. Опояска на бедрахъ составляетъ весь ихъ костюмъ. Земледѣліе въ соединеніи съ охотою — ихъ главные источники существованія". Эти слова могли бы быть съ полнымъ правомъ отнесены и къ любому изъ дискихъ племенъ, продолжающихъ и понынѣ жить въ южномъ Китаѣ (см. ниже).

[1]) *Топинаръ*—„Антропологія"; *Крживицкій*—„Антропологія".

[2]) Какъ извѣстно, китайцы отпускаютъ себѣ бороду лишь въ зрѣломъ воз-

видны и въ современныхъ тангутахъ. Бель пишетъ даже, что встрѣченные имъ ганьсуйскіе тангуты напомнили ему цыганъ [1]). То же говоритъ и Пржевальскій [2]). Среди сфотографированныхъ нами тангутовъ имѣется одинъ съ римскимъ профилемъ [3]). Правда, нѣкоторые антропологи полагаютъ, что тангуты произошли отъ смѣшенія желтыхъ короткоголовыхъ съ дравидійскими племенами, подобно населенію нѣкоторыхъ частей Бутана, Непала и Кашмира, чѣмъ, между прочимъ, будто-бы, и объясняется ихъ длинноголовость, темный цвѣтъ кожи, прямо поставленные глаза и тонкій, прямой носъ; но подобное предположеніе ничѣмъ не доказано.

Итакъ, изъ вышеизложеннаго нельзя, какъ кажется, не вывести заключенія, что племя „ди“ было рыжеволосымъ (можетъ быть, правильнѣе было бы сказать — бѣлокурымъ?); среди нихъ попадались люди атлетическаго сложенія (чанъ-ди), тоже этническая особенность, указывающая на то, что въ жилахъ этихъ „ди“ текла если не чистая кровь бѣлой расы, то въ примѣси очень значительной. Въ дальнѣйшемъ мы, впрочемъ, увидимъ не мало подтвержденій этой гипотезѣ.

Въ VII вѣкѣ до Р. Хр. ди распались на два отдѣла—бѣлыхъ и красныхъ ди [4]), и множество родовъ, изъ коихъ китайскіе историки называютъ: „сянь-юй“, „фэй“ и „гу“ среди бѣлыхъ ди и „цзя-ши“, „гао-ло-ши“, „цянъ-цзю-жу“, „лу-ши“, „лю-сюй“ и „до-чэнъ“ среди красныхъ ди [5]).

Всѣ эти роды жили частью въ Чжилійской, частью въ Шаньсійской провинціи. Но сверхъ того были поколѣнія „ди“, которыя жили и въ западныхъ провинціяхъ Китая, а именно въ Ганьсу и Сы-чуани. Многочисленныя данныя, сохраненныя намъ исторіей, убѣждаютъ насъ въ томъ, что ди были даже единственными коренными обитателями этихъ провинцій, исчезнувшими только съ теченіемъ вѣковъ, подъ напоромъ двухъ темноволосыхъ родственныхъ расъ: цяновъ съ запада и китайцевъ съ востока [6]). Это исчезновеніе было вызвано съ

растѣ и притомъ очень рѣдко; и все же въ Ганьсу намъ попалось нѣсколько мѣстныхъ уроженцевъ, имѣвшихъ большіе усы и бороды.

[1]) „The Tangutans ressemble Gipsies“... (op. cit., стр. 68).

[2]) „Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 223.

[3]) Этотъ снимокъ будетъ приложенъ къ III тому моего „Описанія путешествія въ Западный Китай“.

[4]) *Plath*—„Die fremden barbarischen Stämme im alten China“, стр. 463.

[5]) *Plath*, ib., стр. 464; *Георгіевскій*—„Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 237.

[6]) Предположеніе, высказанное *Terrien de Lacouperie* („Le Muséon“, стр. 35),

одной стороны плохо организованною, но не прекращавшеюся борьбой съ пришельцами, съ другой смѣшеніемъ побѣдителей съ побѣжденными, о чемъ говорятъ намъ китайскіе историки, перечисляющіе смѣшанные роды жуновъ и ди, жившіе въ Гань-су [1]); несомнѣнно также, что такимъ же смѣшаннымъ народомъ были и чжоу'цы, овладѣвшіе въ 1122 г. до Р. Хр. Китайскою имперіей.

О ганьсуйскихъ и сычуаньскихъ ди китайская исторія говоритъ намъ очень мало; тѣмъ не менѣе и этого немногаго вполнѣ достаточно для того, чтобы возстановить постепенный ходъ угасанія здѣсь этой расы.

„Сянь, князь удѣла Цинь, говоритъ эта исторія, прошелъ съ войсками къ вершинамъ р. Вэй-шуй, гдѣ и покорилъ *ди*-жуновъ и вань-жуновъ [2])". Его же преемникъ, князь Сяо, царствовавшій съ 361 по 337 годъ до Р. Хр., еще далѣе распространивъ свои владѣнія, отослалъ ко двору 92 старшинъ жуновъ и *ди* [3]).

Эти завоеванія вызвали массовыя переселенія ди на югъ, въ горныя дебри Шу-цзюня (Чэнъ-ду-фу) и Хань-чжуна. Среди переселившихся туда въ эту эпоху родовъ наиболѣе значительными были: „маоню" (косматыхъ буйволовъ) и „бо-ма" (пѣгихъ лошадей); съ отдѣлами этихъ племенъ мы будемъ имѣть еще случай встрѣтиться на сѣверѣ, въ горахъ Алтайской системы.

Но далеко не всѣ „ди" ушли на югъ; оставшіеся въ провинціи Ганьсу просуществовали тамъ еще семь вѣковъ. По крайней мѣрѣ,

---

что „ди" вторглись въ Китай лишь за XIII вѣковъ до Р. Хр. основано, какъ кажется, на томъ соображеніи, что первыя извѣстія о столкновеніяхъ китайцевъ и ди относятся къ этому времени. Но въ „Исторіи младшей династіи Хань" сказано: „Als Thai-khang, der 3 Kaiser der 1 Dyn. Hia (1957—1955) das Reich verliess, fielen die vier Barbaren alle ab. (*Plat*—„Fremde barbarische Stämme im alten China", стр. 457). Упоминаются они также и въ древней китайской географіи „Шу-цзинъ": V, 22, 14, stellten sie (то-есть „ди") nach Tsching-wang's Tode bei der Thronbesteigung von Tschao-wang Schirme mit Verzierungen auf" (*Plath*, ib.). Наконецъ, не надо забывать, что китайцы сы-чуаньскихъ и ганьсуйскихъ ди (напримѣръ, „ба-цзюнь'скихъ ди") считаютъ потомками Пань-ху, пѣгой собаки императора Дику (2435—2375). Ср. также *Ивановскій*—„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая", I, 1, стр. 93—94, гдѣ говорится, что инородцы, жившіе къ западу отъ Шу (Чэнъ-ду-фу), къ востоку отъ Жань-манъ (Мао-чжоу), принадлежали къ различнымъ племенамъ „ди", изъ коихъ племя „бо-ма" было славнѣйшимъ.

[1]) *Іакинфъ* — „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, стр. 7.

[2]) *Іакинфъ* — „Исторія Тибета и Хухунора", I, стр. 15.

[3]) *Іакинфъ*, ib., стр. 16.

мы имѣемъ относящіяся къ нимъ извѣстія, помѣченныя 323 годомъ; именно, въ этомъ году, по словамъ китайскаго историка [1]), Чэнь-ань, правитель области Цинь-чжоу, отложился отъ дома Чжао и возвратился въ Лунъ-си [2]), гдѣ тамошніе цяны и *ди* поддались ему [3]).

Что касается до поколѣній „мао-ню“ и „бо-ма“, то имъ еще долго суждено было играть видную роль въ исторіи Сы-чуани и южной Гань-су [4]).

Бо-ма поселились въ скалистыхъ, высокихъ и неприступныхъ горахъ Чэу-чи [5]). Съ теченіемъ времени они настолько усилились, что китайцы вынуждены были признать за ихъ главаремъ право на княжескій титулъ. Такимъ образомъ съ 322 г. по Р. Хр. официально было признано существованіе дискаго княжества (царства Ву-ду [6]), одно время (въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка) распространявшаго свою власть на сѣверъ до Цинь-чжоу и Ци-шань (нынѣ округъ Фынъ-сянъ-фу), на востокъ до Хань-чжунъ-фу и на югъ до Лянь-чжоу. Въ 436 году дискій князь (царь) Янъ-нанъ-динъ провозгласилъ

---

[1]) *Іакинфъ*, ib., стр. 101.

[2]) Область Лунъ-си заключала въ это время земли двухъ нынѣшнихъ областей Лань-чжоу-фу и Гунъ-чанъ-фу.

[3]) Еще подъ 394 годомъ значится: „Князь (царь) Янъ-динъ (очевидно ди'ецъ, такъ какъ былъ двоюроднымъ братомъ ву-ду'скаго князя (царя) Янъ-шэна), въ Лунъ-си, выступилъ съ 30.000 войска противъ Ци-фу-цянь-гуй, но былъ убитъ“ (*Іакинфъ*, ib., стр. 102).

[4]) Исторія племени мао-ню извѣстна намъ только въ отрывкахъ. Оно поселилось въ области Чэнъ-ду-фу. Въ китайской исторіи упоминается о немъ въ послѣдній разъ въ 123 г. по Р. Хр.

[5]) Несомнѣнно, — Лунъ-мынь-шань. Одно время столицей ихъ былъ городъ Лё-янъ.

[6]) Это наименованіе дано было Бо-ма'ской землѣ еще при Ханяхъ (см. Ивановскій, op. cit., I, стр. 100).

Бо-ма въ Ву-ду застали уже населеніе, состоявшее изъ дисцевъ поколѣнія „ба“ (ба-ди), которые управлялись князьями изъ фамиліи Ли. Столицей этого княжества былъ городъ Лё-янъ. При князѣ Ли-тэ „ба-ди“ овладѣли Лянь-чжоу и Чэнъ-ду-фу. Преемникъ Ли-тэ—Ли-сюнъ въ 306 году провозгласилъ себя императоромъ. Но уже сорокъ лѣтъ спустя это царство пало (*Ивановскій*, I, 1, стр. 15—16, примѣчаніе; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., стр. 51—53) и на смѣну ему стало возвышаться царство дисцевъ „бо-ма“.

Китайцы также передаютъ, что въ Юнь-нани издавна существовало „Бѣлое царство“ (Бо-го), населенное „бо-минъ“ (бѣлымъ народомъ), извѣстнымъ еще подъ названіями — „а-бо“, „бо-ръ-цзэ“ (бѣлые сыновья) и „минъ-цзя-цзэ“. По имени этого царства даже вся провинція Юнь-нань называлась до II вѣка до Р. Хр. Бо-го (см. *Devéria*—„La frontière sino-annamite“, стр. 131).

себя государемъ великаго царства Цинь; онъ „учредилъ штатъ чиновъ, подобный императорскому; но не смотря на сіе неупустительно представлялъ дань обоимъ дворамъ: Вэй и Сунъ, то-есть сѣверному и южному [1])“. Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ успѣховъ государство это, наконецъ, пало въ 506 году, истощенное непосильною борьбой съ сѣвернымъ Китаемъ (имперіей Юань-вэй), при чемъ царство Ву-ду переименовано было въ область Дунъ-и-чжоу [2]).

Дальнѣйшая судьба дисцевъ рода „бо-ма“ намъ неизвѣстна [3]). какъ равно неизвѣстна судьба и другихъ сы-чуань'скихъ поколѣній ди, жившихъ въ округахъ Нинь-нинъ (въ области Лунь-ань-фу), Пинъ-гу (Лунь-ань-фу), Янь-шн (округъ, находившійся, какъ кажется, къ западу отъ Пинъ-гу) [4]) и во многихъ другихъ [5]). Вѣроятно, они были

---

[1]) *Іакинфъ*, ib., стр. 104.

[2]) *Іакинфъ*, ib., стр. 109. Въ послѣдній разъ о ву-ду'скихъ инородцахъ китайская исторія упоминаетъ подъ 1074 годомъ (*Ивановскій* — „Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая“. I, 1, стр. 151).

[3]) Не ушли ли они на западъ, гдѣ нѣкоторыя долины и мѣстности сохранили еще и до сихъ поръ наименованіе этого племени; такъ, можно указать, напримѣръ, на страну „Помн“, къ западу отъ р. Лу-цзи-цзяна, и на долину „Бомъ“, къ западу отъ Батана (Desgodins—„Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires“, стр. 344 и 347). О странѣ По(Бо)-ми читаемъ у Крейтнера (op. cit., стр. 290), что *она знаменита своими лошадьми*. Ср. *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 158, гдѣ читаемъ: Цзѣ-цяны потомки дискаго рода „бо-ма“. Это значитъ, что дисцы смѣшались съ цянами. Можетъ быть также въ черныхъ лоло (хэй-лоло; это не племенное имя, а китайское прозваніе, сами же себя они называютъ „ло-су“ или „о-су“) мы должны видѣть если не прямыхъ потомковъ, то одну изъ вѣтвей „бо-ма“. По крайней мѣрѣ, вотъ, что читаемъ мы у Baber'a: Одинъ старшина, указывая на статую, подтвердилъ, что она изображаетъ Hsi-po, древняго лолоскаго царя, которому повиновались четыре могущественные рода: Lin, Long, Ma и Ouan; онъ назвалъ его по китайски Ма-ванъ, то-есть, „царь-лошадь“, такъ какъ, будто бы, онъ могъ пробѣгать тысячу ли въ часъ времени. Онъ былъ убитъ китайцами, которые съѣли его сердце. Это преданіе записано и китайцами, которые говорятъ: хэй лоло поклоняются Ма, изображенію бѣлой лошади (бо-ма; „ils adorent Ma, désignation d'un cheval blanc“ (pe-ma). Эту часть легенды я объясняю такъ, что Hsi-po принадлежалъ къ роду „бо-ма“, вѣроятно самому могущественному изъ дискихъ родовъ, что, впрочемъ, видно и изъ исторіи этихъ родовъ. А если такъ, то и на хэй-лоло нельзя иначе смотрѣть, какъ на потомковъ „бо-ма“ (Devéria—„La frontière sino-annamite“, стр. 150—151).

[4]) *Іакинфъ*, ib., стр. 107.

[5]) Такъ, въ Чэнь-ду-фу (области Шу) жили какіе то „ди“ девяти родовъ—„цзю-ди“. См. *Ивановскій*, op. cit., I, 1, стр. 129; d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 167. Одинъ изъ этихъ девяти родовъ былъ родъ „бо-ма“. *Ивановскій*, ib., стр. 94.

частью истреблены, частью поглощены сосѣдними народностями; возможно, однако, допустить, что послѣ разгрома 506 года нѣкоторые роды ихъ откочевали еще дальше на югъ, гдѣ продолжаютъ существовать и понынѣ. Такъ, напримѣръ, китайцы сообщаютъ намъ, что въ горахъ Би-цзи-шань, окружающихъ озеро Дянь-чи (Чжань-чи), къ югу отъ города Юнь-нань-фу, и въ горахъ округа Нинь-чжоу живутъ дикари „пу-тэ", имѣющіе рыжіе бороды [1]); въ горахъ близъ города Яо-чжоу живутъ другіе дикари—„Ѣ-жень" (дикіе люди), имѣющіе рыжіе волосы и желтые зрачки [2]), и т. д. Сверхъ того рыжеволосыя племена сохранились еще въ наиболѣе недоступныхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Бирмы (катты) [3]) и въ приграничныхъ частяхъ Юнь-нань'ской провинціи [4]). Однако, нѣкогда рыжеволосыя племена занимали значительно бо́льшій районъ, что доказывается существованіемъ въ южномъ Китаѣ племенъ, несомнѣнно происшедшихъ отъ смѣшенія съ народомъ бѣлой расы; такъ, напримѣръ, китайцы намъ говорятъ, что у живущаго по рѣкѣ Юань-цзяну племени „ди-янъ-гуй" зрачки желтые [5]), что племя „хэй-ли-су", населяющее округъ У-динъ-чжоу, имѣетъ высокіе носы и глубоко-сидящіе глаза [6]), что у „маней" области Юнъ-чжоу [7]) высокій ростъ и впалые глаза [8]), и т. д.

Ди, населявшіе Чжилійскую и Шаньсійскую провинціи, были частью покорены, частью вытѣснены отсюда китайцами уже въ V вѣкѣ до Р. Хр. [9]); но въ Ганьсуйской провинціи, какъ мы видѣли выше,

---

[1]) *Ивановскій*—„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая", I, 2, стр. 38.

[2]) *Ивановскій*, ib., стр. 84.

[3]) *Топинаръ*—„Антропологія", стр. 441.

[4]) *Палладій Кіаровъ*—„О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ" въ *Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, IV, 1850, стр. 258.

[5]) *Ивановскій*, ib., стр. 72.

[6]) *Ивановскій*, ib., стр. 49.

[7]) Вѣроятно нынѣ Нань-нинъ-фу, въ провинціи Гуанъ-си.

[8]) *Ивановскій*, op. cit., I, 1, стр. 65

[9]) См. *Plath*—„Die fremden barbarischen Stämme im alten China", стр. 457—471, который говоритъ объ истребленіи (Vernichtung, стр. 463, 465 и слѣд.) „ди" въ сѣверномъ Китаѣ. Что, однако, „ди" не только не были здѣсь истреблены, но даже въ теченіе послѣдующаго времени пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ, видно изъ того, что въ первой половинѣ VI вѣка по Р. Хр. имъ удалось объединиться и подъ управленіемъ дійской династіи Фу, родомъ изъ Ié-яна (то-есть, принадлежавшей къ роду „бо-ма"?), образовать могущественное госу-

ди продержались до IV вѣка по Р. Хр. Къ этому именно времени относится и темное сказаніе китайцевъ о переселеніи дисцевъ на сѣверъ.

дарство. Въ 350 г. дійскій князь Фу-цзянь перешелъ Хуанъ-хэ (изъ провинціи Шань-си) и овладѣлъ Чань-анью (близъ города Си-ань-фу), а въ слѣдующемъ провозгласилъ себя императоромъ великаго царства Цинь. Въ 370 г. Фу-цзянь II овладѣлъ столицей Муюновъ и завоевалъ весь сѣверный Китай, послѣ чего перевелъ въ Чань-ань до сорока тысячъ сяньбійскихъ семействъ. Въ 373 году его полководецъ Янъ-ань (очевидно, также діецъ изъ извѣстной бома'ской фамиліи Янъ) покорилъ царства Хань-чжунъ и Шу (область Чэнъ-ду-фу, въ провинціи Сы-чуань); въ 376 году было докончено покореніе царства Хань-чжунъ и взята столица его—городъ Лянь-чжоу; въ 379 году былъ взятъ городъ Сянъ-янъ (въ Си-ань-фу), остававшійся еще въ рукахъ цзиньцевъ, послѣ чего Фу-цзянь II округлилъ свои владѣнія на счетъ земель южнаго Китая и овладѣлъ многими его городами. Въ 381 году онъ былъ уже настолько могущественъ, что 62 владѣтеля поспѣшили признать себя его вассалами. По засимъ, уже въ слѣдующемъ году, это эфемерное царство стало неимовѣрно быстро клониться къ упадку. Въ императорской семьѣ возникли распри. Муюны поспѣшили ими воспользоваться и отняли у дисцевъ сѣверный Китай; а затѣмъ началось и быстрое разложеніе огромной монархіи. Въ 385 году нѣкто Ло-чанъ объявилъ себя независимымъ царемъ въ Бэй-ди, затѣмъ плѣнилъ и умертвилъ Фу-цзяня II. Преемники послѣдняго продержались еще до 394 года; наконецъ, послѣдній изъ нихъ вынужденъ былъ бѣжать въ Ву-ду, къ царю Янъ-нань-дану, вмѣстѣ съ которымъ и погибъ въ томъ же году въ войнѣ съ Ци-фу-цянь-гуемъ.

Такимъ образомъ, дисское царство просуществовало въ сѣверномъ Китаѣ ровно 60 лѣтъ, съ 334 по 394 г. (см. *Лакинфъ* – „Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 113—119).

Terrien de Lacouperie высказываетъ предположеніе (см. „Les langues de la Chine avant les chinois“ въ „Le Muséon“, 1888, стр. 35), что одинъ отдѣлъ „красныхъ ди“, а именно родъ „лу-ши“, откочевалъ въ 592 году на югъ и поселился въ долинѣ Лу-цзи-цзяна (на границѣ Бирмы, Ассама, Тибета и Юнь-нани; см. карту, приложенную къ *Desgodins*—„Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires“, 1885, 2 édition), гдѣ и удержалъ свое древнее наименованіе „лу“ (лу-цзи). Онъ основываетъ это предположеніе на сходствѣ начертанія іероглифовъ (ecrit d'une manière analogue) древнихъ и современныхъ „лу“. Въ бывшихъ намъ доступныхъ трудахъ по исторіи этого періода мы не нашли подтверждающихъ это предположеніе данныхъ, но въ его пользу говоритъ слѣдующая китайская характеристика Дунъ-чуань'скихъ „лу-цзи“: „Ихъ предки принадлежали къ поколѣнію восточныхъ цонь (?); они изъявили покорность при Юаняхъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ странную наружность, всѣ же, вообще, очень некрасивы; женщины ихъ и дѣвушки еще болѣе гадки (подобнымъ же образомъ китайцы отзывались и о другихъ западныхъ инородцахъ кавказскаго типа). Характеръ ихъ жестокій и дурной: когда разсердятся, то убиваютъ другъ друга. При первоначальномъ поселеніи въ области Дунь-чуань они имѣли три фамиліи: Чжао, Ли и Янъ (фамилія Янъ была самой значительной и у „бо-ма“); теперь же поколѣнія

Именно, у Іакинфа мы читаемъ [1]):

„Въ продолженіи великихъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ Китаѣ въ послѣдней половинѣ III вѣка предъ Р. Хр. красные кочевые вытѣснены были въ степь, гдѣ они уже подъ названіемъ „ди-ли“ заняли пространство отъ Ордоса къ западу. Въ 338 году по Р. Хр. они поддались дому Тоба; но въ самомъ концѣ IV вѣка ушли на сѣверную сторону песчаной степи, и тамъ, вмѣсто прежняго названія „ди-ли“ получили наименованіе „гаогюйскихъ (?) динлиновъ“. Далѣе у Іакинфа сказано, что „гаогюйцы суть потомки древняго поколѣнія чи-ди“. Но это очевидная ошибка, такъ какъ гаогюйцы или чилэ были предками уйгуровъ. Эту путаницу, противорѣчащую какъ вышеприведеннымъ фактамъ, такъ и дошедшимъ до насъ преданіямъ уйгуровъ [2]), произвелъ авторъ „Бэй-ши“ (исторіи сѣверныхъ дворовъ), и такъ какъ онъ одинъ только и выводитъ гаогюйцевъ изъ Заордосскихъ степей, то мы и вправѣ игнорировать это указаніе; справедливымъ же остается лишь фактъ переселенія динлиновъ [3]) на

ихъ многочисленны“ (см. *Ивановскій*, op. cit., I, 2, стр. 44—45). Судя по небольшому словарю, языкъ этихъ „лу“ заимствованный, такъ какъ изъ 111 словъ 39 взяты изъ тибетскаго языка, остальные же частью изъ китайскаго, частью изъ языковъ сосѣднихъ инородцевъ—„лоло“, „мосо“ и др. Слѣдуетъ также замѣтить, что одно изъ вымершихъ нынѣ племенъ (инбатскіе остяки), о коихъ будетъ говорено ниже, удержало въ своемъ языкѣ слово „лу-цзи“ для обозначенія демона, то-есть, своего предка.

Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ краснымъ ди; о бѣлыхъ же ди читаемъ у *Plath*'а: „Die weissen „Ti“ erhielten sich bis über die Periode des Tschhün-tshieu (479) hinaus und einer ihrer Stämme nahm zur Zeit der streidenden Reiche den Königs-Titel an und kämpfte mit den andern Prätendenten um den Besiz der ganzen Herrschaft der Tscheu“ (l. c., стр. 463).

Наконецъ, мы имѣемъ еще одно извѣстіе, относящееся къ переселенію „ди“: „Часть инородцевъ ди, пишетъ *Георгіевскій* („Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 247), выступила изъ Китая, вслѣдствіе начавшихся съ 463 года нападеній со стороны князей Ханьскаго, Вэйскаго и Чжаоскаго“. Въ другомъ своемъ сочиненіи—„О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 68 и 79, *Георгіевскій* прибавляетъ, что эти ди выселялись на сѣверъ. Къ сожалѣнію, онъ, однако, и тутъ не сообщаетъ, къ какому отдѣлу ди принадлежали эти переселенцы.

[1]) „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 2, стр. 247—248.

[2]) См. выше, стр. 28.

[3]) Что ди-ли тождественны съ динлинами, видно, между прочимъ, и изъ словъ китайской надписи на орхонскомъ памятникѣ Кюль-тегину, воздвигнутомъ въ 733 году. Эта надпись гласитъ, что песчаная страна, граничащая съ Китайской имперіей (очевидно—Заордосъ, вообще южная окраина Гобійской пустыни), была родиной динлиновъ (она же была родиной „ди-ли“).

сѣверъ и ихъ смѣшенія тамъ съ тюркскими элементами [1]).

О древнихъ хагясахъ, отличавшихся высокимъ ростомъ, рыжими волосами, румянымъ лицомъ и голубыми (зелеными) глазами, китайцы такъ и пишутъ, что они произошли отъ смѣшенія первобытныхъ жителей этой страны (Гянь-гунь) съ динлинами [2]).

Хагясы въ Танскія времена говорили уже на одномъ изъ тюркскихъ діалектовъ [3]). По сосѣдству, однако, съ ними жили племена, которыя, обликомъ походили на хагясовъ, но говорили другимъ языкомъ [4]). Эти племена носили разныя наименованія, изъ коихъ для насъ имѣютъ значеніе: „бо-ма“ [5]), одинъ изъ отдѣловъ котораго,

---

Im sandigen *Nachbarreiche*,
Im Vaterlande (des Volkes) Ting-ling,
Haben zahlreiche Helden sich erhoben.

(*Васильевъ* въ „Die altturkischen Inschriften der Mongolei“, *Радлова*, 1895, стр. 168).

Schlegel переводитъ это мѣсто китайской надписи нѣсколько иначе:

Dans la région de Cha-sai, dans le pays de Ting-ling,
Des guerriers valeureux se sont élevés en masse contre vos anciens rois.

(„La stèle funéraire du Teghin Giogh“, отд. оттискъ изъ „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne de Helsingfors“, 1892, III, стр. 42).

Что главная масса динлиновъ перешла пустыню задолго до начала нашей эры (не въ VI ли вѣкѣ до Р. Хр.?), видно изъ слѣдующихъ словъ китайской исторіи: „впослѣдствіи (примѣрно за 200 лѣтъ до Р. Хр.) на сѣверѣ они (хунны) покорили владѣніе Динлинъ“ (*Іакинѳъ*—„Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 1, стр. 17). Конечно, могло быть и такъ, что динлины искони жили какъ на южныхъ, такъ и на сѣверныхъ окраинахъ Гобійской пустыни; но такому предположенію противорѣчили бы нѣкоторые факты, на которые я укажу ниже.

Ниже же будетъ указано, что китайцы считаютъ динлиновъ вѣтвью дунъ-ху; дунъ-ху же тѣ же дисцы, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, въ „Юань-ши“ мы находимъ темное преданіе, что тѣ сорокъ дѣвушекъ (кырк-кыз), которыя дали начало народу киргизскому, пришли въ эту страну (въ долину Кема) съ юга (изъ Китая) (см. *Schott*—„Ueber die ächten Kirgisen“, стр. 432).

[1]) Къ вопросу о происхожденіи уйгуровъ мы будемъ имѣть еще случай вернуться ниже.

[2]) *Іакинѳъ*—Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 2, стр. 443; *Schott*—„Ueber die ächten Kirgisen“, стр. 432; *Schlegel*, op. cit., стр. 43.

[3]) *Іакинѳъ*, ib., стр. 446.

[4]) *Іакинѳъ*, ib., стр. 442.

[5]) „Po-ma у *Deguignes* — „Histoire générale des Huns, des Mogols et des autres Tartares occidentaux“, I, 2, стр. LXII, § 3, и у *Klaproth*'а—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 130.

какъ мы это уже знаемъ, успѣлъ образовать по южную сторону хребта Цзунъ-линъ царство Ву-ду, и „ма-нао“ [1]), въ которомъ нельзя не признать южный родъ „мао-ню“.

Какъ далеко динлины распространились на сѣверъ, востокъ и западъ, намъ въ точности неизвѣстно; однако, несомнѣнно, что остатки ихъ и понынѣ еще находятся среди черноволосыхъ тюрко-монгольскихъ племенъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ Сибири и сопредѣльнаго Китая. Такъ, Барроу, напримѣръ, говоритъ: „Мы видѣли маньчжуровъ, сопровождавшихъ посольство Макартнея, въ Пекинѣ; какъ мужчины, такъ и женщины ихъ чрезвычайно красивы (fair) и отличаются превосходнымъ сложеніемъ (florid); нѣкоторые изъ нихъ имѣли свѣтло-голубые глаза, прямой или орлиный носъ, темно-русые (brown) волосы и довольно большую, густую бороду“ [2]). Шоттъ заимствуетъ изъ „Исторіи Киданьскаго царства“, написанной въ XII столѣтіи, интересное указаніе на существованіе среди киданей бѣлокураго племени, имѣвшаго зеленые, желтые и свѣтло-сѣрые глаза [3]). Спафарій. посланный въ Китай въ 1675 году. упоминаетъ о „пѣгой ордѣ“. нѣкогда жившей по Оби, ниже Кети [4]). Къ этой же

[1]) „Ма-нао у *Deguignes*, op. cit., I, 2, стр. LXII, § 2; *Schlegel*, op. cit., стр. 43, полагаетъ, что историкъ Ма-дуань-линь пишетъ неправильно „ма-нао“— „лошадиный мозгъ“ вмѣсто „ма-гинъ“, что значило бы „ноги лошади“. Но мнѣ кажется, что эти соображенія должны потерять всякій интересъ послѣ того, какъ обнаружилось, что роды „бо-ма“ и „ма-нао“ или „мао-ню“ жили нѣкогда на обоихъ полюсахъ географическаго распредѣленія динлиновъ; этотъ фактъ доказываетъ, что въ приведенныхъ названіяхъ слѣдуетъ видѣть не китайскія прозвища, а истинныя народныя прозванія, которыя, въ качествѣ таковыхъ, могли передаваться іероглифами, означающими и „косматыхъ буйволовъ“, и „мозгъ лошади“, и др. Согласно „Вэнь-сянъ-тунъ-као“, мѣстность „Мао-ню“ находилась къ западу отъ Чэнъ-ду-фу (ср., однако, d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр 153): съ другой стороны мы знаемъ, что въ Енисей впадаетъ р. Мана со своимъ правымъ притокомъ Ману. Впрочемъ, могъ бы быть правъ и *Schlegel*, такъ какъ въ южной Сибири нѣкогда, дѣйствительно, жило динское племя „ма-чинъ“ или „ма-джа“, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Среди енисейскихъ „татаръ“ еще въ прошломъ столѣтіи существовалъ родъ „мади“, представлявшій, по словамъ *Müller*'а („Sammlung Russischer Geschichte“, 1761, VI, стр. 553), осколокъ какого-то, *не татарскаго*, народа.

[2]) Цитировано по *Топинару*—„Антропологія“, стр. 441. См. также *Klaproth*—„Tableaux historiques de l'Asie“, стр. 162.

[3]) *Schott*—„Ueber die ächten Kirgisen“, стр. 444.

[4]) Примѣчаніе *Арсеньева* къ „Путешествію чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Н. Спафарія въ 1675 году“, стр. 184 (*Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи*, X, 1).

„пѣгой ордѣ“ русскіе XVII столѣтія относили и вымершихъ теперь уже коттовъ, аринovъ и ассановъ и такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ [1]). Радловъ, въ 1861 году посѣтившій Алтай, передаетъ, что среди приграничныхъ („черныхъ“) сойоновъ попадаются русые съ удлиненными лицами, тогда какъ дальше вглубь страны сойоны являются уже на половину бѣлокурымъ, рослымъ народомъ, извѣстнымъ у окрестнаго населенія подъ именемъ „желтыхъ“ сойоновъ [2]). Наконецъ, и по настоящее время среди казаковъ (Средней, Большой и Малой ордъ) можно встрѣтить не мало бѣлокурыхъ [3]). Антропологическія изслѣдованія Зеланда показываютъ, что казаки представляютъ смѣшанное населеніе, такъ какъ къ основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, съ широкимъ лицомъ и съ приплюснутымъ носомъ, съ темными глазами, присоединился другой — рослый, бородатый съ горбатымъ носомъ, съ длиннымъ лицомъ и свѣтлыми глазами [4]). Конечно, эту примѣсь могли дать и усуни, но вѣдь и на усуней нельзя смотрѣть иначе, какъ на отдѣлъ динлиновъ, уже въ очень раннюю эпоху оттѣсненный юэчжисцами въ южные отроги Алтая.

Что динлины были народомъ пришлымъ въ южную Сибирь и Саяно-Алтайскій горный районъ, видно, между прочимъ, также и изъ того, что ихъ потомки—котты и енисейскіе остяки говорятъ языкомъ, имѣющимъ, по мнѣнію Terrien de Lacouperie [5]), сродство съ древнекитайскимъ діалектомъ [6]). Этотъ фактъ остался бы безъ всякаго

---

[1]) *Аристовъ*—„Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“, отд. оттискъ, стр. 49.

[2]) „Reise durch Altai“ въ „Ermans Archiv f. wiss. Kunde v. Russland“ XXIII, стр. 297. См. также *Семеновъ* и *Потанинъ*—„Алтайско-Саянская горная система“, etc., стр. 680, прим. 150 (Дополненія (т. IV) къ Риттера—„Землевѣдѣніе Азіи“, III). *Клеменцъ* („Древности Минусинскаго музея, стр. 67) пишетъ о бѣлокурыхъ сагайцахъ, *Адріановъ* („Путешествіе на Алтай и за Саяны“ въ *Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, XI, 1888, стр. 293) о черневыхъ татарахъ.

[3]) *Штраленбергъ* („Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in soweit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet“, etc., Stockholm, 1730, стр. 165) утверждаетъ даже, что въ его время казаки были по преимуществу рыжеволосымъ народомъ.

[4]) Цитировано по *Кржижицкому*—„Антропологія“, стр. 346.

[5]) „Le Muséon“,1888, VI, стр. 336; „Journal of the Royal Asiatic Society“, 1889, стр. 404 (цит. по Аристову, op. cit., стр. 50).

[6]) Ту же мысль еще раньше высказалъ и составитель грамматики коттскаго языка—Кастренъ. Именно, онъ писалъ, что признаетъ этотъ языкъ „отрывкомъ

объясненія. еслибы мы не знали, что динлины пришли въ Енисейскую тайгу изъ сѣвернаго Китая, гдѣ они свыше тысячелѣтія жили подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи.

Остатки дисцевъ въ чистомъ видѣ сохранились, повидимому, только среди дикарей „Ѣ-жень“; можетъ быть, эти дикари и донынѣ удержали элементы своего первобытнаго языка [1]); всѣ же остальныя племена, въ которыхъ можно видѣть потомковъ дисцевъ, вѣроятно, уже свыше 25 вѣковъ говорятъ на чуждыхъ имъ нарѣчіяхъ сосѣднихъ племенъ. Это жаргонъ, въ которомъ, какъ мы видѣли выше, тибетскія слова перемѣшаны съ китайскими, бирманскими и другими. И что эта рѣчь сложилась уже съ незапамятныхъ временъ, видно изъ того, напримѣръ, факта, что родственное „лу“ племя „меламъ“ говоритъ не на современномъ, а на первобытномъ тибетскомъ языкѣ, когда слова писались такъ, какъ выговаривались [2]). Засимъ въ языкѣ „лу“ замѣтно вліяніе индокитайскаго языка, что, по мнѣнію Terrien de Lacouperie, можетъ быть объяснено лишь въ томъ случаѣ, если

особаго семейства, сродство котораго съ финско-самоѣдскими языками весьма дальнее. Енисейско-остяцкій (и коттскій) языкъ нѣчто въ родѣ китайскаго, не имѣющее полной флексіи; онъ любитъ переносить корневой слогъ въ конецъ слова“ и т. д. („Путешествіе Кестрена“ въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій“ *Фролова*, VI, 1860, стр. 361; цит. по Аристову, op. cit., стр. 50).

[1]) Я не берусь утверждать, что „ди“ говорили на одномъ изъ арійскихъ діалектовъ; но думаю, что только черезъ ихъ посредство китайцы и могли принять въ свой языкъ арійскіе корни, которыхъ тамъ не мало. Мы знаемъ только одно несомнѣнно диское слово: *as*—для обозначенія вождя, царя; это слово до сихъ поръ сохранилось въ группѣ енисейскихъ языковъ и обозначаетъ:

	Нарѣчія.			
	Инбатское.	Ассанское.	Коттское.	Арнское.
бога	es	ös, ösch	esch	es
небо	es	ösch, etsch	esch	es
а также демона		asa	ascha	

Это слово находится и въ древне-германскихъ языкахъ для обозначенія первоначально вождя, короля, а затѣмъ и бога (ass изъ болѣе древняго ansus и äser).

Засимъ, можетъ быть, впослѣдствіи намъ удастся доказать, что и *та* - лошадь—диское, а не китайское слово (вѣроятно, въ прежнее время оно произносилось mar, у китайцевъ—mal), такъ какъ все, что мы теперь знаемъ о лошади, сводится къ тому, что ея прародиной должна считаться не Азія, а Западная Европа и частью Россія, отнуда она уже и распространилась, вмѣстѣ съ длинноголовыми блондинами, на востокъ.

[2]) „*Le Muséon*“, 1888, стр. 36.

мы допустимъ, что „лу“ пришли изъ сѣвернаго Китая, гдѣ они жили по сосѣдству съ до-китайскимъ, нынѣ исчезнувшимъ, народомъ, „mon-taï“, уже въ историческое время вытѣсненнымъ изъ Шань-дуна сначала въ Ху-бэй, а затѣмъ (уже при Танахъ) въ Гуй-чжоу. Эта легкость, съ какой дисцы воспринимали чуждые языки, сказалась и на сѣверѣ. Въ Танскую эпоху хагясы говорили уже на уйгурскомъ языкѣ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ ту отдаленную эпоху примѣсь тюркской крови у хагясовъ должна была быть еще весьма незначительной [1]).

Эта особенность тѣмъ болѣе замѣчательна, что динлины среди прочихъ алтайскихъ племенъ отличались наиболѣе высокою культурой, безъ сомнѣнія, частью заимствованною ими у своихъ прежнихъ сосѣдей—китайцевъ. Объ этой культурѣ говорятъ намъ какъ китайскіе историки [2]), такъ и сохранившіеся до настоящаго времени

---

[1]) „Черные волосы считались у нихъ нехорошимъ признакомъ, а съ карими глазами почитались потомками Ли-лина“ (*Іакинѳъ*—„Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 2, стр. 443). Ли-линъ, родомъ китаецъ, былъ знаменитымъ полководцемъ; вслѣдствіе интригъ при китайскомъ дворѣ, онъ былъ оставленъ безъ обѣщанной помощи и воинскихъ припасовъ, что и вынудило его передаться хуннамъ. Послѣдніе поставили его ханомъ надъ хагясами.

[2]) Древніе дн имѣли города (см. *Plath*, op. cit., стр. 468).

О хагясахъ читаемъ: „Man baute nur einige Getreide-Arten, nicht aber Obst und Gemüse. Im dritten Monat wurde gesät, im neunten geerndtet. Aus zermalenem Getreide baken sie Brod und brauten ein geistiges Getränk. Von Mineralien gab es Gold, Eisen und Zinn. So oft es geregnet hatte, sammelte man Eisen, das sie kja-s'a nannten und aus welchem sie vortreffliche Waffen schmiedeten; diese wurden als Schatzung den Tu-kju abgeliefert. Ihre reitenden Krieger schützten die Beine mit Schienen aus gespaltenem Holze nnd befestigten einen runden Schild wider Pfeilschüsse und Schwerthiebe an die eine Schulter. Ihren König betitelten sie A-s'e. Vor seinem Zelte war stets ein Tuk (Standarte mit Rossschweifen) angepflanzt. Im Gürtel führten sie gern Messer und Schleifsteine. Im Winter bewohnten sie Häuser, die sie mit Baumrinde deckten. Ihre Sitten sind von denen anderer Länder verschieden. Ihre Sprache war der des Volkes Hui-ku ganz gleich, auch besassen sie dieselbe Schrift“ (*Schott*, op. cit., стр. 433—435. Ср. *Іакинѳъ*, ib., стр. 443—446).

Вообще, принято думать, что хагясы заимствовали у уйгуровъ не только тюркскій языкъ, но и древне-тюркское письмо. Въ послѣднемъ мы вправѣ, однако, усомниться, такъ какъ дисцы уже въ Ханьскія времена имѣли свое письмо (впрочемъ, имѣются основанія думать, что первоначально уйгуры были такимъ же смѣшаннымъ племенемъ, какъ и хагясы; о чемъ см. ниже). Вотъ, что по этому поводу говорятъ намъ китайцы: Цопьскія письмена изобрѣтены при Ханьской династіи старшиной А-кэ (А-цю? титулъ?), прозваннымъ родоначальникомъ письменности; всѣхъ знаковъ 1840, которые пишутся поперекъ (*Ивановскій*—

въ сѣверной Монголіи и южной Сибири остатки цивилизаціи, при-

---

„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая“, I, 2, стр. 4. 6 и 35). Съ цоньскими письменами сходны были и бэскія (*Ивановскій*, ib., стр. 35), которыми, кромѣ бэсцевъ, пользовались также и инородцы „минь-цзя“ (ib., стр. 2). У „хэй-лоло“ письмена были похожи на древне-китайскія кэ-доу (*Devéria*, op. cit., стр. 127), но знаки писались у нихъ связно (*Ивановскій*, ib., стр. 13); наоборотъ, у „мяо-цзы“ письмена, цифры и 60 циклическихъ знаковъ были сходны съ китайскими, но только по основной идеѣ, а не по начертанію (ib. стр. 73). „Мосѣ“ имѣли письмо еще болѣе идеографическое; когда хотѣли сказать—„человѣкъ“, то рисовали человѣка и т. д. (ib., стр. 47). Но всего замѣчательнѣе письмена у „голо“: ихъ знаки совершенно напоминаютъ монгольскіе (?) (ib., стр. 107). Наконецъ, по словамъ китайцевъ, письменность существовала и у бѣлыхъ „лоло“ (ib., стр. 8). Образчики письма Ра-у, лоло и мосѣ (mosso) даны у *Devéria*, op. cit., стр. 105, 152—153, 166. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что у дисцевъ, задолго до ихъ знакомства съ уйгурами, существовало уже частью идеографическое, частью фонетическое (см. анализъ письменныхъ знаковъ лоло у *Terrien de Lacouperie* „On a Lolo manuscript written on satin“ въ „Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland“, XIV, 1) письмо, а такъ какъ тюркскій алфавитъ на памятникѣ Кюль-тегину (а также такъ называемыя енисейскія письмена) представляетъ нѣчто весьма совершенное и является вѣроятнымъ результатомъ цѣлаго ряда измѣненій и упрощеній, то естественно рождается вопросъ: не есть ли этотъ алфавитъ диское, а не тюркское изобрѣтеніе?

Проводя параллель между хагясами и южными „ди“, мы не можемъ не замѣтить, что послѣдніе были уже съ самой глубокой древности знакомы съ земледѣліемъ, любили вино (они умѣли „весело пить“, по выраженію китайцевъ; вино, музыка и пляски сопровождали каждое ихъ празднество; см. *Ивановскій*, ib., стр. 13, 14, 22, 23, 39, 41, 68, 79 и т. д.), а стало быть умѣли его и выдѣлывать; сами себѣ изготовляли оружіе, а слѣдовательно умѣли добывать и металлъ (желѣзо, серебро и золото). Дисцы „бо-ма“ изготовляли себѣ латы изъ кожи носорога (*Іакинѳъ*—„Исторія Тибета и Хухунора“, I. стр. 104); даже послѣ изобрѣтенія пороха свирѣпые „цзю-гу мяо“ продолжали еще носить тяжелый, но не закрывавшій затылка желѣзный шлемъ съ наушниками, кольчугу, вѣсомъ болѣе пуда, и на ногахъ наборныя латы изъ желѣзныхъ пластинъ, прикрывавшіе только голени; не смотря на столь тяжелое вооруженіе, „цзю-гу“, съ деревяннымъ щитомъ въ одной рукѣ, копьемъ въ другой и мечомъ въ зубахъ могли такъ быстро ходить по горамъ, „точно летѣли“ (*Ивановскій*, ib., стр. 97; см. также *Du Halde*—„Description géographique, historique, etc., de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise“, стр. 69). О „голо“ говорится, что они умѣли выдѣлывать крѣпкія латы, острые мечи и копья; латы употребляли даже такіе дикари, какъ бѣлые „лоло“ и „пуженн“. О маняхъ „яо“ читаемъ у *marquis d'Hervey de Saint-Denys*—„Ethnographie des peuples étrangers“, II, стр. 37: „Au moment de sa naissance l'enfant mâle est pesé avec un morceau de fer et, quand il devient adulte, il prend soin de bien tremper ce fer et d'en fabriquer lui-même un glaive ou coutelas qui ne le quitte plus. Pour essayer cette arme et prouver

писываемые миѳическому народу чудь [1]).

---

sa bonne qualité il doit décapiter un boeuf d'un seul mouvement du bras et de l'épaule". Они имѣли также обыкновеніе носить у пояса ножъ (*Иваповскій*, ib., стр. 12, 25, 46 и т. д.); съ самой глубокой древности строили себѣ дома (срубы), употребляя для настилки крышъ древесную кору, камышъ, бамбукъ и проч. Интересно также, что у янь-чжоуских инородцевъ государи носили тотъ же титулъ, что и у хагясовъ,—а-сы (a-s'e у Шотта, a-je у Клапрота, ажо у Іакинфа); среди „доло" и до сего времени существуетъ родъ „аже", подобно тому, какъ на сѣверѣ, среди такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ, удержалось родовое наименованіе „асанъ"; замѣтимъ также, что у древнихъ германцевъ (готовъ) ассами (ass) называли вообще вождей, героевъ, впослѣдствіи же боговъ. У южныхъ „дп" былъ также обычай носить передъ своими старѣйшинами знамена. Хагяскій а-сы и его свита носили красныя одежды; мы, однако, знаемъ, что „чи-дп" имѣли также красное одѣяніе (*Plath*, op. cit., стр. 464). Наконецъ, еще нѣсколько сближеній. Хагясы носили въ ушахъ кольца. Это же украшеніе было самымъ излюбленнымъ и у южныхъ дисцевъ. Хагясы татуировались; то же дѣлали и дисцы. О хагясахъ китайцы писали: оба пола живутъ нераздѣльно и по сему среди нихъ много распутства; то же писали они и о дисцахъ (остатки гетеризма). Языкъ динлиновъ „бо-ма" китайцы называли птичьимъ. „Птичьимъ" же называли они и языкъ „мо-сѣ" (*Иваповскій*, ib., стр. 45), „пу-женей" (ib., стр. 61) и другихъ. Можетъ быть къ этой характеристикѣ можетъ имѣть отношеніе замѣчаніе *Desgodins* (op. cit., стр. 374) о языкѣ племени „мэламъ": „Il n'est pas monosyllabique, surtout dans les mots qui sont indigènes, ou du moins qui n'ont pas une origine thibétaine. La prononciation n'est pas douce et uniforme comme celle du thibétain, mais, sans être, rude, elle est extrêmement saccadée: chaque syllade est accentuée séparément, de sorte que parfois et surtout quand on parle vite et avec animation, on croirait entendre parler des bègues".

[1]) Къ этимъ остаткамъ должны быть отнесены, кромѣ надмогильныхъ сооруженій,—городища, остатки земляныхъ валовъ и оросительныхъ канавъ (о послѣднихъ см. *Клеменцъ*—„Древности Минусинскаго Музея", стр. 45), руническія надписи на скалахъ, каменныя статуи и прочее. Попытки приписать „чудскія могилы", то-есть могильные курганы и такъ называемые „сланцы" и „маяки", встрѣчающіеся на всемъ обширномъ пространствѣ южной Сибири отъ береговъ Волги и южнаго Урала до верховій Амура (то-есть въ предѣлахъ распространенія сѣверныхъ дисцевъ, намѣченныхъ китайскими историками), равно какъ и различнаго рода каменныя сооруженія, остатки ирригаціонной системы, рисунки и надписи на скалахъ—динлинамъ дѣлались неоднократно (см. *Риттеръ*—„Землевѣдѣніе Азіи", III и V; въ самое послѣднее время—*Аристовъ*, op. cit., стр. 51), но гипотеза эта высказывалась вскользь и, насколько мнѣ извѣстно, не подкрѣплялась безспорными данными. Впрочемъ, *Kollmann* по поводу череповъ, взятыхъ изъ „чудскихъ" могилъ, уже замѣтилъ, что хотя они долихоцефальны, но тѣмъ не менѣе отличаются отъ череповъ европейскихъ, имѣя спеціально азіатскую форму (см. „Congrès international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques à Moscou du 1—8 août, 1892", II, „procès verbaux des séances", стр. 29). Но развѣ могло быть иначе, когда даже исторія намъ говоритъ, что дисцы

Но если все происходило такъ, какъ мною здѣсь разказано, то невольно возникаетъ вопросъ, какъ могъ исчезнуть совершенно безслѣдно народъ, обладавшій такимъ огромнымъ распространеніемъ и въ то же время настолько многочисленный, что, напримѣръ, одни хагясы могли выставить около 80 тысячъ войска.

потеряли первобытную чистоту своей расы уже по южную сторону Гобійской пустыни? Засимъ, *Клеменцъ* на стр. 28—29 „Древностей Минусинскаго Музея“ (1886) говоритъ, что въ числѣ масокъ, добытыхъ около Минусинска и снятыхъ съ лицевой стороны черепа, „попалась одна женская замѣчательной красоты, съ чертами лица чисто европейскими“ (см. также табл. XX атласа). *Нефедовъ*, производившій раскопку кургановъ въ Киргизской степи, также говоритъ, что по сохранившимся остаткамъ костяковъ можно придти къ заключенію, что курганные люди были высокаго роста и длинноголовы („Les kourganes de la steppe des Kirghizes“ въ „Congrés international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques à Moscou“, 1892, II, стр. 349). Даже оставляя въ сторонѣ указанія прежнихъ изслѣдователей, однихъ этихъ фактовъ было бы достаточно для того, чтобы дать прочное основаніе приведенной гипотезѣ. Но я предчувствую и возможный вопросъ: „почему чудскія могилы должны принадлежать именно динлинамъ, а не другому какому либо длинноголовому племени?“ Въ отвѣтъ я могъ бы сослаться на исторію, но предпочитаю дать нижеслѣдующее сравненіе остатковъ, сохраненныхъ намъ могилами „чудей“ съ тѣмъ, что сохранила намъ исторія въ китайскихъ описаніяхъ южныхъ дисцевъ и ихъ быта.

Какъ ни скудны сами по себѣ китайскія извѣстія о надгробныхъ сооруженіяхъ южныхъ дисцевъ, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что, напримѣръ, ба-жени, хоронившіе своихъ покойниковъ въ гробахъ, *ставили надъ могилою высѣченное изъ камня изображеніе покойнаго* (*Ивановскій*, op. cit., II, стр. 31; подобныя же статуи вѣнчали и многія изъ чудскихъ могилъ; это такъ называемыя „каменныя бабы“, о которыхъ имѣется большая литература; этотъ обычай переняли у дисцевъ и тукіэ); тотъ же обычай господствовалъ у цоньскихъ маней (*Ивановскій*, ib., стр. 5 — 6 и „майча“ (ib., стр. 77), которые, впрочемъ вырѣзали изображенія своихъ предковъ изъ дерева; „хэй-лоло“ же и донынѣ имѣютъ изображенія своихъ предковъ, высѣченныя въ скалѣ (*Devéria*, op. cit., стр. 150). „Мяо“ хоронили „при помощи неимѣющаго дна гроба (то-есть обставляли стѣнки ямы каменными плитами или досками?); вынувъ землю, помѣщали трупъ внутри“ (*Ивановскій*, ib., стр. 96). Нѣкоторые „мяо“ оставляли покойника въ гробу безъ погребенія иногда нѣсколько лѣтъ (до 12 лѣтъ) и когда въ общинѣ такихъ гробовъ накапливалось около сотни, то всею же общиной строили „зало демоновъ“, то-есть предковъ, куда ихъ и сносили. Такія общія помѣщенія украшались рѣзьбой, изображавшею „мужчинъ съ голымъ тѣломъ“. Это очень любопытное указаніе, такъ какъ и въ юго-западной Сибири были находимы *курганы обширныхъ размѣровъ* (маяки), *заключавшіе общую гробницу съ множествомъ труповъ* (см., напримѣръ, *Адріановъ*, op. cit., стр. 388). Вообще же, южные дисцы или сжигали трупы (точнѣе было бы сказать—обжигали ихъ, такъ какъ кости затѣмъ собирались и хоронились отдѣльно) или хоронили ихъ, предварительно завернувъ въ кожи или ткани, или, наконецъ, заключали

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы, кажется, найдемъ въ психическомъ различіи характеровъ длинноголовыхъ блондиновъ и черноволосыхъ короткоголовыхъ. Постараемся съ этой точки зрѣнія сгруппировать все то, что знаемъ о бѣлокурыхъ народахъ Средней Азіи и Южнаго Китая.

Характеръ дисцевъ намъ мало извѣстенъ. Они имѣли сердца тигровъ и волковъ, говорятъ намъ китайцы, обращавшіе плѣнныхъ ди въ своихъ тѣлохранителей и полицейскихъ. Что „ди“ были свободолюбивымъ и подвижнымъ народомъ, что они распадались на множество, повидимому, очень мелкихъ родовъ и сплачивались въ

ихъ въ гробы, которые или зарывались, или оставлялись на поверхности земли (подъ навѣсомъ?). Мосѣ (mosso) дѣлали въ гробахъ дно изъ бамбуковыхъ циновокъ (то-есть устилали полъ гробницы циновками? Ср. *Нефедовъ*, op. cit., стр. 349: „Le mode de sépulture dans les kourganes de la première catégorie à été différent: ordinairement l'inhumation, quelquefois—l'incinération. Les cadavres ont été déposés sur le sol, ou plus bas, dans une fosse... Le corps a été posé ou directement sur la terre ou on a préparé auparavant un lit de pierres ou de bois...“); развѣшивали (клали?) всѣ платья покойнаго съ одной стороны (не съ лѣвой ли? см. *Риттеръ*—„Землевѣдѣніе Азіи“, V, стр. 386) и тутъ же разставляли сосуды (у *Ивановскаго*, ib., стр. 48, переведено: „разставляютъ имѣющихся (сею) ими (образныхъ) свиней“, что непонятно). „Чунь-цзя“ въ теченіе года сохраняли гробъ подъ навѣсомъ, а затѣмъ сжигали (что? навѣсъ или гробъ?). Сунь-вайскіе „мани“ зарывали гробъ, предварительно вымазанный (не замазывали-ли только щели?) воскомъ, по лѣвую сторону дома (вообще, повидимому, лѣвой сторонѣ придавалось особое значеніе у дисцевъ; въ разрытыхъ „маякахъ“ всѣ почти положенные въ могилу предметы находились по лѣвую руку костяка); изъ этого временнаго помѣщенія они черезъ три года его вынимали и уже тогда окончательно „хоронили покойника“ (ib., I, стр. 90). О похоронныхъ обычаяхъ у хагясовъ говорится: Die Knochen wurden eingesammelt und nach einem Jahre das Grab gemacht“ (Schott, op. cit., стр. 435). „Лунъ-цзя“ хоронили на скалахъ, при чемъ пеклись о покойникѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, три раза за этотъ періодъ времени „соскабливая съ костей мясо“ (ib., II, стр. 92). Этотъ обычай ясно указываетъ съ одной стороны на то, что цѣлью обжиганія трупа было упрощеніе тягостной обязанности—три раза вынимать покойнаго изъ могилы и соскабливать съ его костей отгнившія части (не находится ли въ связи съ этимъ обычаемъ—обычай господствовавшій нѣкогда у чуди окрашивать кости покойника въ красный цвѣтъ?), съ другой, что могилы устраивались такъ, чтобы покойниковъ въ теченіе извѣстнаго періода времени можно было навѣщать; только уже по прошествіи этого періода могилы задѣлывались окончательно (ср. съ описаніемъ харгойской могилы, сдѣланнымъ Агапитовымъ въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, XII, №№ 4 и 5). Покойника одѣвали во все лучшее, даже въ томъ случаѣ, если его затѣмъ сжигали. Надо при этомъ замѣтить, что южные дисцы имѣли особенную склонность украшать себя. При описаніи „воинъ“ въ Юнь-нань-тунъ-чжи“ мы находимъ слѣдующее характерное мѣсто: „И всю

одно цѣлое лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ ненадолго—это говоритъ намъ вся ихъ исторія. Китайцы удивлялись ихъ мужеству, но побѣждали ихъ часто, такъ какъ имѣли дѣло не съ массой народа, а съ отдѣльными ихъ поколѣніями; къ тому же они пользовались ихъ взаимными счетами и искусно направляли ихъ другъ противъ друга.

Что „ди“ не были склонны къ подчиненію, выше всего ставя индивидуальную свободу, видно изъ того, что они безъ колебанія бросали свою порабощенную родину и расходились—одни на сѣверъ, другіе на югъ, туда, гдѣ еще былъ просторъ, куда не доби-

---

свою жизнь собиралъ раковины. говоритъ умирающій отецъ своему сыну. Если встрѣтится нужда—возьми часть ихъ; часть же оставь въ наслѣдіе будущему поколѣнію“ (ib., стр. 39). Въ поясненіе этого слѣдуетъ замѣтить, что раковины даже во времена Марко Поло продолжали еще играть въ Юнь-нани роль денегъ. Эту же роль, по словамъ графа Сечени („Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien“, стр. cxix), онѣ продолжаютъ еще играть въ странѣ качиновъ. Раковины принадлежатъ преимущественно къ виду Cypraea moneta, L. Въ неменьшей степени, чѣмъ раковины, цѣнились у нихъ самоцвѣтные камни и украшенія изъ мѣди, серебра, въ особенности же—золота. Я буду имѣть еще случай говорить, что всѣ безъ исключенія дисцы (мужчины и женщины) носили въ ушахъ серьги и кольца (мужчины „хэй-лоло“ только въ лѣвомъ ухѣ; ср. съ находкой въ одной изъ „чудскихъ“ могилъ кольца съ лѣвой стороны черепа. *Аѳанасовъ*, op. cit.) изъ мѣди, серебра, золота и самоцвѣтныхъ камней. Къ этому мнѣ остается добавить, что они носили также браслеты изъ золота, серебра и слоновой кости, ожерелья изъ самоцвѣтныхъ камней, замѣнявшіяся иногда у женщинъ серебряными обручами, разогнутыми на груди (именно, у „хэй-мяо“), особые изъ желтой мѣди обручи на лбу („Un autre... avait sur la tête une espèce de diadème“... *Нефедовъ*, op. cit., стр. 350) или вѣнки изъ серебряныхъ цвѣтовъ (женщины). Женщины вплетали себѣ въ волосы раковины, бусы (иногда золотыя), цвѣты, колосья и проч. Сверхъ того, женщины носили на головѣ, изъ затканной золотомъ тафты, особаго рода покрывала. Жены богатыхъ дисцевъ всегда одѣвались въ парчу, бархатъ, атласъ и другія шелковыя ткани, которыя отдѣлывали вышивками, раковинами, золотыми блестками, серебряными пуговками; мужчины носили шляпы и пояса, украшенные золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями и украшенные золотомъ и серебромъ воротники. Слѣдуетъ также замѣтить, что дисцы украшали не только себя, но любили украшать и своихъ лошадей: уздечки и другія части конскаго прибора, а также сѣдла и чепраки они отдѣлывали золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями. Въ „маякахъ“ близъ костяка находятъ иногда кожаные мѣшки съ остатками зеленаго бархата; именно такіе кожаные мѣшки были въ употребленіи у „цоньскихъ маней“ и „бѣлыхъ голо“. Эти мѣшки украшались иногда вышивками и носились черезъ плечо, служа дорожными сумками. Подобныя сумки и до сихъ поръ еще въ употребленіи у сойотовъ (*Шварцъ*—„Труды

рались китайцы со своимъ государственнымъ строемъ, чиновниками и правилами общежитія. Такъ они, съ теченіемъ вѣковъ, добрались съ одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравадди и Салуэна, съ другой до Алтая и южной Сибири.

Но и тутъ и тамъ они сохранили психическія особенности своего характера. Вотъ, что говорятъ намъ, напримѣръ, китайцы о южныхъ инородцахъ Серединной имперіи, сохранившихъ еще въ своихъ жилахъ кровь древнихъ дисцевъ.

Бань-шунь'скихъ маней („ба-ди") китайцы описываютъ въ такихъ выраженіяхъ. Родоначальникомъ ихъ былъ инородецъ изъ уѣзда

Сибирской экспедиціи", Матем. отд., стр. 109. См. у *Devéria* рисунокъ, изображающій бѣлаго лоло) и качиновъ (*Széchenyi*, ib.).

Врожденное чувство къ изящному заставляло дисцевъ украшать не только себя, но и свою утварь; такъ напримѣръ, „че-су" имѣли обыкновеніе украшать сосуды инкрустаціей изъ олова по дереву. Сунъ-вайскіе „мани" вытачивали мелкіе сосуды (чарки) изъ слоновой кости и украшали ихъ рѣзьбою съ изображеніемъ птицъ (ib., I, стр. 90). „Лао" выливали изъ мѣди легкіе сосуды, пригодные для варки пищи, и т. д.

Изъ вышеизложеннаго не можетъ не явствовать, что дисцы были искусными литейщиками. О современныхъ восточныхъ тибетцахъ (то-есть метисахъ „ди" и „пяновъ") *Desgodins*, между прочимъ, пишетъ: „Il y a un art dans lequel les Thibétains réussissent très bien, c'est celui du fondeur en métaux. Leurs statuettes sont d'un fini peu commun. Ce sont eux aussi qui fondent les clochettes et les autres instruments employés dans les cérémonies du culte, ordinairement couverts de petits dessins et de bas-reliefs, le plus souvent bien exécutés. Comme en Europe on a trouvé le moyen de faire des combinaisons de métaux imitant l'argent... Le fer thibétain est de bien meilleure qualité et mieux fabriqué que le fer chinois" (стр. 387). То же китайцы пишутъ и объ ухуаньцахъ: мужчины умѣютъ плавить желѣзо и золото для оружія, женщины—вышивать шелками по кожѣ. Кстати замѣтимъ, что женщины ухуань носили головные уборы изъ золота и нефрита изумруднаго цвѣта, „подобные древней повязкѣ китайской съ трясульками и привѣсками". Хоронили ухуаньцы своихъ мертвыхъ такъ: „Покойниковъ клали въ гробъ... Брали одну откормленную собаку и вели ее на цвѣтномъ шнуркѣ (культъ „Пань-ху", о чемъ ниже), также брали лошадь, на которой покойникъ ѣздилъ, его одѣяніе и вещи и все это сжигали и несли за гробомъ для препорученія собакѣ, чтобы она охраняла душу умершаго... Въ жертву приносили быковъ и барановъ" (*Іакинфъ*—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи", I, 1, стр. 153—154). Конечно, для того, чтобы вышеприведенныя сравненія имѣли вполнѣ научное значеніе, требовалось бы доказать, путемъ сличенія, что чудскія находки и предметы искусства южныхъ дисцевъ принадлежатъ къ одному и тому же типу. Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности сейчасъ это сдѣлать; я приведу, однако, нижеслѣдующее замѣчаніе *Chantre*'а о курганныхъ находкахъ: „Les splendides épées que vient de nous montrer M. Anoutchine présentent un très grand intérêt... Quant à leur ressemblance avec les kindjals

Лань-чжунъ, прославившійся убійствомъ бѣлаго тигра. Его потомки жили по обоимъ берегамъ рѣки Юй-шуй и отличались силой и храбростью. *Они всегда шли въ авангардѣ войскъ Ханьской династіи и побѣждали.* Они любили пляски и пѣсни. Когда Гао-цзу услышалъ одну изъ нихъ, то воскликнулъ: „съ этой именно пѣснью Ву-ванъ одержалъ побѣду!“ и велѣлъ обучить ей музыкантовъ. Когда впослѣдствіи они возстали и императоръ хотѣлъ двинуть противъ нихъ войска, то хань-чжун'скій Шанъ-цзи замѣтилъ: „Ба-ди“ семи родовъ имѣютъ заслугу въ томъ, что убили бѣлаго тигра. Эти люди храбры, воинственны и хорошо умѣютъ сражаться. Нѣкогда, въ года прав-

caucasiens... je ne puis y souscrire. Il n'y a pas non plus de rapport entre ces épées et celles des nécropoles protohistoriques du Caucase. On peut assurément trouver dans ces pièces un air général de famille, mais on est ici en présence de formes nouvelles. C'est plutôt vers l'Est que vers le Sud, c'est-à-dire vers la Chine qu'il faudrait chercher des rapports entre le type de ces épées et *ceux de beaucoup d'autres objets sibériens*“ („Congrés international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques“, II, proc.-verb., стр. 29)—выводъ, къ которому приходили многократно и раньше.

Вообще, дисцы издревле заявили себя искусными мастерами, и хотя, вѣроятно, многое и многое заимствовали у китайцевъ, но, съ другой стороны, они и опередили во многихъ статьяхъ своихъ учителей: такъ, напримѣръ, по собственному признанію китайцевъ, „хей-пу“ были искусными мастерами: они неподражаемо изготовляли изъ бамбука сосуды, столы, кровати и проч. и умѣли строить дома и дворцы. Тѣмъ же искусствомъ отличались и дикари „ну-цзы“, о которыхъ китайцы одновременно писали, что они „ѣдятъ шерсть и пьютъ кровь“—выраженіе, употреблявшееся для обозначенія крайней дикости. Равнымъ образомъ, дикарей „ша-жень“ китайцы описываютъ какъ отличныхъ рѣзчиковъ изъ самаго твердаго дерева (лао-шань).

Наконецъ, намъ остается присовокупить, что дисцы были мастера возводить двухъэтажныя постройки, башни и проч.; они окружали свои селенія или стѣнами, или рвомъ (ср. находки Агапитова и Черскаго); строили (напримѣръ, доньскіе маши) жертвенники съ тремя ступенями (см. дополненія къ Риттера „Землевѣдѣніе Азіи“, V, часть вторая, стр. 507) и т. д.

Къ этому я могу добавить еще нижеслѣдующее соображеніе. Кто, какъ не дисцы вывели изъ Тибета яковъ, оставивъ ихъ въ наслѣдіе сойотамъ, въ которыхъ нельзя не признать захудалыхъ потомковъ рослыхъ динлиновъ? Сойотскія лошади и рослый ихъ скотъ считаются лучшими въ краѣ (ср. *Іакинфъ*, ib., I, 2, стр. 442 и слѣд., и *Шварцъ*, ib., а также *Латкинъ*—„Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее“, стр. 166); сойоты и до сихъ поръ удержали обычай не ѣздить на жеребцахъ (можетъ быть такъ слѣдуетъ понимать китайское замѣчаніе, относящееся къ „бо-ма“: имѣютъ лошадей, но не ѣздятъ на нихъ? *Klaproth*—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 130; *Іакинфъ*, ib., стр. 442). Сойоты сохранили и нѣкоторые слѣды дисской цивилизаціи; такъ, напримѣръ, они орошаютъ свои поля, они хорошіе литейщики, головной уборъ ихъ женщинъ, повидимому,

ленія Юнъ-чу (107 — 113 по Р. Хр.), цяны. вступивъ въ округа и уѣзды Хань-чуань, разрушили ихъ. Тогда къ намъ на помощь явились „ба-ди", и цяны были разбиты на голову и истреблены. Поэтому бань-шунь'скіе мани и были прозваны *„божественнымъ войскомъ"*. Цяны почувствовали страхъ и передали другимъ родамъ, чтобы они не двигались на югъ. Когда же во 2-мъ году правленія Цзянь-хо (въ 148 году) цяны вновь вторглись съ большими силами, то мы только при помощи тѣхъ же „ба-ди" нѣсколько разъ разбили (отразили) ихъ. Цзянъ-цзюнь Фынь-гунъ, отправляясь въ походъ на югъ противъ ву-ли, хотя и получилъ самыя отборныя войска но могъ совершить свой подвигъ лишь при помощи тѣхъ же „ба-ди". Наконецъ, когда недавно произошло возстаніе въ округахъ области И-чжоу (Юнь-нань), то усмирить бунтовщиковъ помогли намъ опять-таки „ба-ди". Эти подвиги... и т. д. [1]).

тотъ же, что и у женщинъ южныхъ дисцевъ. Наконецъ, припомнимъ, что среди нихъ часто попадаются бѣлокурые, что женщины ихъ отличаются красивыми формами тѣла и чертами лица, что у нихъ въ высшей степени развито чувство взаимопомощи, удержалось выборное право, и т. д. (см. также *Клеменцъ*—„Древности Минусинскаго музея", стр. 61—62).

Hirth въ „Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft", 1890, стр. 52 -55 („Die Kaiser-Gräber in Centralasien"), дѣлаетъ нижеслѣдующее интересное сообщеніе.

Въ „Вэй-шу" упоминается, говоритъ онъ, о посольствѣ (въ 443 г.) изъ страны Ву-ло-ху (по Кэрулэну) къ Тоба. Послы объявили императору, что къ сѣверо-западу отъ ихъ родины сохранилась гробница его предка, представляющая каменное сооруженіе, имѣющее 70 фут. выс., 70 шаговъ отъ сѣвера къ югу и 40 отъ запада къ востоку.

Въ поясненіе этого сообщенія я замѣчу, что поколѣніе „тоба", къ которому принадлежала императорская династія Юань-вэй, составляло одинъ изъ отдѣловъ „дунъ-ху" (см. ниже) и въ прежнее время жило по Онону, куда оно прикочевало, повидимому, до Р. Хр. Къ востоку ихъ земли граничили съ ухуань (см. ниже). Къ серединѣ III вѣка по Р. Хр. оно усилилось и объединило до ста родовъ, къ числу коихъ могли принадлежать какъ ухуаньскіе роды, такъ и вышеупомянутые „ву-ло-ху". „Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что племя „тоба" было смѣшаннаго происхожденія, при чемъ кровь „ди" могла и преобладать. Тоба считали своимъ предкомъ Мао (что напоминаетъ дикій родъ „мао-ню"), подобно тому, какъ черные „лоло" царя Ма („бо-ма"). Засимъ изъ описанія „ву-ло-ху" видно, что бытъ ихъ былъ не пастушескій, а охотничій, что они имѣли не наслѣдственныхъ, а выборныхъ старшинъ, были храбры, носили дикую прическу, украшали свои одежды жемчугомъ (бусами) и имѣли множество музыкальныхъ инструментовъ—все черты, напоминающія дисцевъ.

[1]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 19; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 57—58.

Лао живутъ въ южной Сы-чуани (въ области Нинъ-юань-фу), куда еще при Цзиняхъ [1]) переселились изъ южной Шэнь-си (Ханьчжунъ-фу). Въ эту эпоху они распадались на множество поколѣній, подчинявшихся выборнымъ старшинамъ [2]). Они были весьма многочисленны; такъ, однихъ только сѣверныхъ лао насчитывалось до 200 тысячъ семействъ. Ихъ грабежи и разбои побудили туземцевъ выселиться на востокъ, послѣ чего роды „лао" заняли всѣ горныя долины отъ Лянь-чжоу на югъ; при этомъ часть ихъ смѣшалась съ туземцами (ся-жень) и обратилась въ землепашцевъ, часть же, укрѣпившись въ горахъ, продолжала вести разбойничій образъ жизни. *Эти „лао" вели безконечныя войны съ китайцами, но не сомкнутою массой, а каждая община, каждое селеніе отдѣльно*, за свой рискъ и страхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ нѣсколько ихъ родовъ соединялось вмѣстѣ; напримѣръ, это имѣло мѣсто въ 639 году, когда китайцы одержали надъ ними рѣшительную побѣду, захвативъ предварительно въ плѣнъ до 10.000 мужчинъ и женщинъ. Послѣднее извѣстіе китайцевъ о южныхъ поколѣніяхъ „лао" относится къ началу IX вѣка („лао" съ этихъ поръ не безпокоили границъ), о Нанъпин'скихъ же „лао" (Чунъ-цинъ-фу) къ началу XII столѣтія. Этихъ „лао" китайцы характеризуютъ въ такихъ выраженіяхъ: Среди всѣхъ инородцевъ „лао" отличаются тѣмъ, что ихъ трудно подчинить какимъ-либо законамъ и общежитію. По своему характеру они сходны съ птицами и звѣрьми, *такъ какъ въ гнѣвѣ отецъ и сынъ убиваютъ другъ друга*. Мстя за обиду, они *непремѣнно убиваютъ своего противника и, убивъ, — съѣдаютъ* [3]). Они нападаютъ другъ на друга

[1]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 11, 38 и 40.

[2]) Ibid., стр. 38.

[3]) Пожираніе враговъ и до сихъ поръ сохранилось у „батаковъ" Суматры (этого рода каннибализмъ объясняется страстностью натуры батаковъ). Вообще, въ настоящемъ очеркѣ я избѣгаю говорить о представителяхъ бѣлой расы, сохранившихся еще въ Индокитаѣ, на Зондскихъ островахъ и въ Полинезіи. Долженъ, однако, замѣтить, что въ характерѣ, обычаяхъ и культурѣ такъ называемыхъ индонезійцевъ и населенія юго-западнаго Китая столько общихъ чертъ, что уже давно и неоднократно выражалось мнѣніе, что и тѣ и другіе принадлежатъ къ одной этнической группѣ. Зная характеръ дисцевъ (о немъ ниже), мы ничего невозможнаго въ этомъ не усматриваемъ.

Малайская область явилась какъ бы исходнымъ пунктомъ, откуда индонезійская волна далеко распространилась. Но эта область отнюдь не можетъ считаться колыбелью индонезійцевъ. Ближайшее изученіе индокитайскихъ племенъ показало, что тѣ же индонезійцы занимаютъ нынѣ долину Меконга и, какъ мы

также ради грабежа и захваченныхъ въ плѣнъ продаютъ какъ свиней или собакъ; печальной участи быть проданными въ рабство не избѣгаютъ даже родственники! *Лао, проданный въ неволю, громко рыдаетъ, не покоряется своей участи и при первой возможности убѣгаетъ. Но если его вновь ловятъ и связываютъ, то онъ смиряется, считая, что потерялъ честь и пересталъ быть благороднымъ.* Со-

---

только что замѣтили, юго-западный Китай, гдѣ они жили (и это несомнѣнно) до заселенія Китая и Индо-Китая монголоподобными расами. Монголы, нахлынувъ въ эти страны, отбросили индонезійцевъ въ горы и на острова, гдѣ, въ свою очередь, эти послѣдніе потѣснили негритосовъ (то же, можетъ быть, имѣло мѣсто кое-гдѣ и въ южномъ Китаѣ). Волны желтолицыхъ набѣгали въ продолженіе тысячелѣтій; столь же длинный періодъ захватывала и миграція индонезійцевъ. На основаніи эпическихъ произведеній индонезійцевъ (миѳовъ, передаваемыхъ изустно; у индонезійцевъ хотя и существуетъ письменность, но они ею не пользуются для столь отвлеченныхъ цѣлей, какъ записываніе легендъ) опредѣляютъ, что они заняли Маркизскіе острова въ V вѣкѣ по Р. Хр., Сандвичевы въ VIII вѣкѣ и Новую Зеландію даже въ XV вѣкѣ; но въ другихъ частяхъ Полинезіи они должны были появиться несомнѣнно раньше, что доказывается тѣмъ, что въ полинезійскихъ языкахъ не попадается индусскихъ словъ; а такъ какъ „воздѣйствіе индусскихъ элементовъ можетъ быть констатировано уже за тысячу лѣтъ до нашей эры, то переселеніе индонезійцевъ въ Полинезію должно было послѣдовать уже раньше. Эти хронологическія указанія, обстоятельно провѣренныя, могли бы служить для опредѣленія времени послѣднихъ великихъ переселеній монголовъ, которыя въ свою очередь обусловили передвиженія индонезійцевъ въ Полинезію“ (*Крживицкій*, op. cit., стр. 169—170).

Я считаю излишнимъ проводить параллель между индонезійцами и дисцами; я упомяну только, что индонезійцы, подобно дисцамъ, прекрасные литейщики (они выдѣлываютъ превосходные клинки и даже винтовки) и что въ нихъ въ высшей степени развито чувство къ изящному. Далѣе я приведу образчикъ ихъ пѣсенъ, полагая, что подобныя же пѣсни должны были существовать и у дисцевъ (припомнимъ хотя бы военный гимнъ племени „ба-ди“, которому когда-то обучались даже китайцы; къ сожалѣнію, китайцы не сохранили намъ словъ этого гимна). Вотъ отрывокъ военнаго гимна индонезійца:

„... Поднимается попутный вѣтеръ, я его слышу и чувствую. Бѣшенный сѣверный вѣтеръ охватываетъ меня всего. Мои враги въ страхѣ скрываются. Охвати меня, о пространство, пространство, воздухъ и небо! Меня уже покрываетъ военное знамя, и я стою неподвижно, какъ радуга“...

„... Если Тангароа (богъ) спроситъ, кто этотъ молодой воинъ, который такъ гордо потрясаетъ знаменемъ,—я отвѣчу: это я, это Вакатанъ, человѣкъ никому невѣдомый, бѣдный молодой товарищъ стяга! Но когда онъ спроситъ о моемъ знамени, о моемъ знамени, которое приводитъ всѣхъ въ ужасъ, о! тогда — вотъ оно!—закричу я“...

„... Вы видите эту молнію, это зарево? О, я ужасно боюсь этого знамени! Слава его обращаетъ всѣхъ въ бѣгство, и названіе его у всѣхъ на устахъ. Вы

баки у нихъ чрезвычайно цѣнятся. За большую собаку даютъ раба. Равнымъ образомъ *за убитаго отца сынъ приводитъ матери собаку*. Ихъ *старѣйшины выбираются* изъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ; они называются ланхо, тогда какъ остальные только хо. *При его выходѣ впереди и позади несутъ знамена*, трубятъ въ рогъ и бьютъ въ барабаны. Лао ходятъ по горамъ съ такою же легкостью и быстротой, какъ по ровному мѣсту; они прекрасно владѣютъ короткимъ оружіемъ, а также умѣютъ „лежа на днѣ рѣки, бить ножомъ рыбу“. „Они движеніе считаютъ признакомъ жизни“. Вообще, они самые непостоянные, самые сумасбродные изъ манеи и *ихъ невозможно вполнѣ усмирить*; даже лао, смѣшавшіеся съ китайцами, не потеряли своей природной дикости [1]).

О *янъчжоускихъ маняхъ* китайцы говорятъ, что стрѣльба, охота, месть и убійства составляютъ всѣ ихъ занятія. Они сходны съ „лао“. Мужчины ихъ очень храбры (тверды), женщины цѣломудренны [2]). Среди нихъ „*сяо мани*“ отличаются наибольшею свирѣпостью и коварствомъ: *если хотъ нѣсколько поперечатъ ихъ желанію, они тотчасъ выхватываютъ ножи* [3]).

Цонь-мани, по словамъ тѣхъ же китайцевъ, любятъ драться и пренебрегаютъ смертью. Характеръ ихъ злой и смѣлый; изъ за *устнаго оскорбленія они съ оружіемъ въ рукахъ бросаются другъ на друга. Мстятъ и убиваютъ, не стѣсняясь родствомъ*. Грабежи и разбой ихъ излюбленныя занятія. У тѣхъ, однако, которые поселились среди китайцевъ, нравъ замѣтно смягчился. Они выщипываютъ

спросите еще, что это за знамя? О! это знамя гнѣва! Знамя необузданнаго бѣшенства, сокрушающаго и побѣждающаго враговъ! Теперь знаете ли вы меня?! Урра!“...

Кржвицкій, у котораго мы заимствовали этотъ отрывокъ, говоритъ, что онъ не въ состояніи въ нѣсколькихъ словахъ передать всей прелести и богатства поэтическихъ произведеній индонезійцевъ.

Что касается до самаго факта каннибализма, то я его объясняю такъ: у лискихъ племенъ существовало вѣрованіе, что духъ покойнаго можетъ вредить живущимъ; съ другой стороны, у многихъ дикарей коренилось убѣжденіе, что если съѣсть или сжечь тѣло врага, то вмѣстѣ съ послѣднимъ истребляется и его „духъ“. Выводъ отсюда ясенъ: для того, чтобы оградить себя отъ духа врага, слѣдовало съѣсть его тѣло.

[1]) *Ивановскій*, ibid., стр. 38 — 57; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 106—121.

[2]) Ibid., стр. 61 и слѣд.

[3]) Ibid., стр. 65.

бороду и усы [1]). Въ подобныхъ же выраженіяхъ характеризуются и „*ганъ*“ — и „*хэй-лоло*“, при чемъ добавляется, что „хэй-лоло“ „*боятся быть битыми, но не боятся смерти*“ [2]); то же подтверждается и для „мяо-лоло“ [3]).

Мяо-лоло.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

„*Ло-у*“ никогда не разстаются съ мечомъ и копьемъ. Любятъ спиртные напитки. Характеръ ихъ надменный и злой: убиваютъ другъ друга при ссорахъ. Брѣютъ бороду. *Управлять ими очень трудно* [4]).

---

[1]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 3—7.
[2]) Ibid., стр. 12.
[3]) Ibid., стр. 15.
[4]) Ibid., стр. 23—24.

„*Хэй-лису*“ — самые смѣлые изъ южныхъ инородцевъ. Никогда не разстаются съ оружіемъ. Въ ссорѣ иногда изъ за одного лишь неосторожнаго слова *убиваютъ другъ друга, не смотря на родство*. Вообще, имѣютъ буйный характеръ. Если ранены отравленною стрѣлой, то немедленно вырѣзаютъ себѣ сами пораненную часть тѣла. Ходятъ по отвѣснымъ, совершенно недоступнымъ скаламъ съ такимъ же проворствомъ, какъ собаки цзяо (?) [1]).

У „*лу-цзи*“ характеръ также дурной: *когда отецъ и сынъ, старшій и младшій братья разсердятся, то убиваютъ другъ друга* [2]).

„*Мосъ*“ храбры и свирѣпы. Хорошо ѣздятъ верхомъ и владѣютъ оружіемъ. При малѣйшемъ противорѣчіи бросаются съ ножомъ на противника, но *прекращаютъ ссору, если вмѣшается женщина* [3]).

„*Ѣ-жени*“ имѣютъ характеръ весьма свирѣпый и дерзкій. „Встрѣтивши человѣка — тотчасъ убиваютъ“ (?) [4]). Всходятъ на высоты и проходятъ самыя недоступныя мѣста, точно передвигаются при помощи крыльевъ [5]).

„*Голо-мани*“, имѣющіе глубокіе глаза и горбатые носы, брѣютъ усы, но оставляютъ бакенбарды. Они имѣютъ превосходныхъ лошадей. Проводятъ жизнь на охотѣ, и отлично владѣютъ оружіемъ. Набранные изъ нихъ отряды всегда шли въ авангардѣ. Пословица говоритъ: „шуй-си'скіе голо, разсѣкая голову, цѣлятъ въ хвостъ“, то-есть, съ одного удара разсѣкаютъ пополамъ. Они высокаго роста [6]).

Сунъ-пинъ-и дерзки и насильственны; сами приготовляютъ оружіе; бороду и усы брѣютъ [7]).

Эти особенности характера ди наблюдаются и у сѣверныхъ динлиновъ и родственныхъ имъ племенъ.

Бо-ма, говоритъ намъ китайскій историкъ, распадались на роды,

---

[1]) Ibid., стр. 49—51.

[2]) Ibid., стр. 43.

[3]) Ibid., стр. 44.

[4]) Не слѣдуетъ-ли понимать это такъ, что Ѣ-жени подвержены „амоку“, то-есть, такому психическому возбужденію, когда человѣкъ бросается въ почти безсознательномъ состояніи на всѣхъ людей, попадающихся ему на глаза и убиваетъ ихъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Среди индонезійцевъ случаи такого переходящаго бѣшенства (mania transitoria) явленіе не рѣдкое и вызывается обыкновенно неудовлетворенною местью и ревностью.

[5]) Ibid., стр. 84.

[6]) Ibid., стр. 107—108.

[7]) Ibid., стр. 113.

независимые другъ отъ друга. Они часто воевали съ хагясами, на которыхъ походили лицомъ [1]).

Хагясы были сильны, горды и стойки; татуировка служила у нихъ отличіемъ храбрыхъ [2]).

Ухуань, по словамъ китайцевъ — прямыхъ потомковъ дунъ-ху [3]), Георгіевскій считаетъ за дисцевъ, вытѣсненныхъ въ V вѣкѣ до

Бѣлый-лоло.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

Р. Хр. на сѣверъ [4]). Истина, однако, заключается въ томъ, что дисцы. уйдя на сѣверъ и сѣверо-востокъ, образовали тамъ нѣсколько смѣшанныхъ племенъ съ преобладаніемъ то дискаго, то тунгусскаго

---

[1]) *Klaproth*—„Mémoires relatifs à l'Asie", I, стр. 129; *Іакинфъ*, – „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи", I, 2, стр. 442.

[2]) *Klaproth*, ibid., стр 88; *Іакинфъ*, ibid., стр. 442—452.

[3]) *Іакинфъ*, op., cit., I, стр. 151.

[4]) „О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ", стр. 79.

или тюркскаго элемента. Къ числу такихъ смѣшанныхъ племенъ и должны быть отнесены ухуаньцы, которые отличались мужествомъ и запальчивостью; въ гнѣвѣ убивали другъ друга, но, подобно дисцамъ, никогда не посягали на мать. „Женщины, пишетъ Colborne Baber [1]), пользуются чрезвычайнымъ уваженіемъ у черныхъ лоло; на нихъ возлагаются иногда даже обязанности родовыхъ старшинъ. Лучшею гарантіей безопасности для иностранца, желающаго проникнуть въ земли „лоло", было бы имѣть въ качествѣ проводника лоло-женщину; тогда онъ могъ бы быть увѣренъ, что личность его была бы для всѣхъ священной". О нѣкоторыхъ дискихъ родахъ китайцы также пишутъ, что драка между мужчинами прекращалась, какъ только на сцену выступали женщины [2]). У ухуаньцевъ „въ каждомъ дѣлѣ слѣдовали мнѣнію женъ; они военныя дѣла сами рѣшали". Подобно дисцамъ, ухуаньцы имѣли выборныхъ старшинъ, избиравшихся изъ числа сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ, при чемъ званіе старшины не выдѣляло избраннаго изъ числа остальныхъ соплеменниковъ; среди ухуаньцевъ господствовало полное равенство: не было ни слугъ, ни господъ, а потому старшинѣ предоставлялось самому пасти свой скотъ. Войну ухуаньцы считали серьезнымъ дѣломъ. Женщины пользовались у нихъ свободой выбора мужа, и въ ихъ брачныхъ обычаяхъ легко усмотрѣть полную аналогію съ брачными обычаями южныхъ дисцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, что читаемъ мы на этотъ счетъ у Іакинфа [3]): „Кто хочетъ жениться, старается сойдтись съ дѣвушкою за три мѣсяца и даже за полгода до брака". У дисцевъ „чжунъ-цзя" „всѣ свадьбы начинаются съ непозволительной связи: каждый годъ въ началѣ весны пляшутъ при лунѣ и, высмотрѣвъ того, кто любъ, уходятъ съ нимъ и не сдерживаются" [4]). У „хуа-мяо" ежедневно въ началѣ весны, молодые люди и дѣвушки, одѣвшись во все лучшее, уходятъ въ поле и тамъ пляшутъ подъ звуки флейтъ; затѣмъ, съ заходомъ солнца, расходятся попарно и домой возвращаются лишь передъ разсвѣтомъ [5]). Подобный же обычай существовалъ и у племени „бай". У дисцевъ „лунъ-

---

[1]) „Travels and Researches in the interior of China" въ „Royal Geographical Society". Suppl. pap., 1882, I, 1, гл. 4.

[2]) Напримѣръ, объ этомъ фактѣ упоминается при описаніи племени „мосѣ" (mosso). См. выше.

[3]) Op. cit., I, стр. 152.

[4]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 89.

[5]) Ibid., стр. 93.

цзя“ вступали въ бракъ при нѣсколько иной обстановкѣ: весною лунъ-цзя вбивали на ровной площадкѣ колъ, называвшійся „чортовымъ шестомъ“ (гуй-гань; безъ сомнѣнія, грубое изображеніе предка), и, взявшись за руки, плясали вокругъ; наплясавшись же, разбѣгались парами. Послѣ этого родители уже теряли право на дѣвушку, пока не представляли за нее выкупа; бракъ же заключался послѣ возвращенія дѣвушки подъ родной кровъ [1]). У „хэй-мяо“ возводилась особая временная постройка, куда собиралась молодежь изъ окрестныхъ селеній; здѣсь они знакомились между собою и вступали въ любовную связь. Дѣвушки возвращались домой иногда послѣ 3-хъ дневной отлучки, иногда же 6-ти мѣсячной, послѣ чего родители требовали у жениха „тоу-цянь“, то-есть, буквально, денегъ за ея голову; если требованіе не исполнялось, то бракъ считался несостоявшимся [2]). У „мяо-лоло“ и донынѣ женщина выбираетъ себѣ мужа [3]). У „голо“ шести родовъ браку предшествовала пляска; „понравившійся взаимно“ уносилъ дѣвушку на спинѣ [4]) — обычай, удержавшійся у нихъ съ допостори-

Лао.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

[1]) Ibid., стр. 92.
[2]) Ibid., стр. 96.
[3]) Ibid., стр. 16; *Devéria* – „La Frontière Sino-Annamite“, стр. 123.
[4]) *Ивановскій*, ibid., стр. 109.

ческихъ временъ [1]). У „лао“ не мужчины, а женщины ухаживали передъ бракомъ [2]). У „жань-маней“ родство считалось только съ материнской стороны [3]). У „хэй-лоло“ братья передавали другъ другу женъ, „не находя въ этомъ ничего страннаго“ [4]). Это уже переходъ къ поліандріи.

Возвращаемся къ ухуаньцамъ, о которыхъ Іакинфъ далѣе пишетъ: „потомъ (вступившій въ бракъ) посылаетъ сговорные дары и переселяется въ женинъ домъ“, гдѣ работаетъ годъ или два, послѣ чего тесть щедро награждаетъ его и, отпуская, отдаетъ ему всѣ вещи, находившіяся въ жилищѣ дочери... „въ обычаѣ также брать женъ послѣ братьевъ“. У инородцевъ „бэ“ было также принято, чтобы бѣдный, не могущій представить сговорныхъ даровъ, отслуживалъ въ домѣ тестя три года [5]). Тотъ же обычай существовалъ и у „во-ни“. У „мяо-цзы“ зять въ теченіе нѣкотораго времени проживалъ въ домѣ тестя, независимо отъ того, были или нѣтъ представлены сговорные дары, долженствовавшіе, впрочемъ, только возмѣстить расходы послѣдняго на свадьбу [6]).

Весьма интересна также та роль, которая ухуаньцами отводилась собакѣ: ей поручалась охрана души умершаго въ пути до мѣста успокоенія послѣдней на горѣ Чи-шань. Среди всѣхъ народовъ восточной половины Средней Азіи культъ собаки господствовалъ только у дисцевъ [7]). Ужъ одно это обстоятельство въ связи съ преданіемъ

---

[1]) Такимъ образомъ варваръ Пань-ху унесъ свою невѣсту—дочь императора Дику (см. ниже). *Devéria*, op. cit., стр. 92.

[2]) *Иваковскій*, op. cit., I. стр. 54.

[3]) Ibid., стр. 130.

[4]) *Иваковскій*, op. cit., II, стр. 12.

[5]) Ib., стр. 31.

[6]) Ib., стр. 73.

[7]) Китайцы нѣкоторые роды дисцевъ (напримѣръ, „ба-ди“ и „голс“ родовъ: „шуй“, „янъ“ („бо-ма“?), „линъ“, „яо“ и „тунъ“) считаютъ потомками „Пань-ху“—пѣгой (пятицвѣтной) собаки, и одной изъ дочерей миѳическаго китайскаго императора Дику, царствовавшаго съ 2437 по 2375 годъ до Р. Хр. (*Иваковскій*, op. cit., I, стр. 1—3 и 37). *Ма-дуань-линь* (см. *Marquis d'Hervey de Saint-Denys* — „Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin“ II, стр. 1) пишетъ однако: „Если вѣрить преданію, императоръ Ди-ку, огорченный постоянными набѣгами западныхъ жуновъ, объявилъ, что выдастъ свою младшую дочь за убійцу вождя этихъ жуновъ. Среди слугъ императора въ то время былъ варваръ Пань-ху. Онъ убилъ вождя западныхъ жуновъ и получилъ въ жены младшую принцессу, которую и унесъ на своихъ плечахъ въ горы нынѣшней провинціи Хунань“. Его потомство размножилось и впослѣдствіи распалось на многіе роды (*Иваковскій*,

о выходѣ ухуаньцевъ изъ Приамуркаго края, могло бы служить доказательствомъ высказанной мною гипотезы о смѣшанномъ происхожденіи ухуаньцевъ, если бы не имѣлось китайскихъ свидѣтельствъ въ томъ, во-первыхъ, что *динлины составляли лишь одинъ изъ отдѣловъ „дунъ-ху“* [1]) и, во-вторыхъ, въ томъ, что *среди тунгусовъ много вѣковъ спустя существовали еще бѣлокурые люди. Они выдѣлялись своей бѣшенной храбростью* (grimmigen Tapferkeit) и обыкновенно составляли *авангардъ* киданьской арміи [2]).

---

ib., стр. 37). Это, конечно,—миѳъ, но миѳъ, который, можетъ быть, имѣетъ историческую подкладку.

Существуетъ не мало указаній на то, что дисцы не дѣлились на роды въ общепринятомъ значеніи этого слова. У тунгусовъ (о нихъ см. ниже) еще недавно существовалъ обычай группироваться вокругъ какого-нибудь витязя, героя, имя котораго впослѣдствіи и служило наименованіемъ общинѣ. Такимъ героемъ могъ быть и Пань-ху, союзникъ китайцевъ, прославившійся своей побѣдою надъ жунами и убившій ихъ главаря; а такъ какъ у дисцевъ искони существовалъ обычай поклоненія предкамъ, то происхожденіе культа Пань-ху какъ нельзя болѣе очевидно. Что же касается до той части миѳа, въ которой говорится, что Пань-ху былъ пѣгой собакой императора Ди-ку, то происхожденіе ея можетъ быть объяснено смѣшеніемъ культовъ. Съ одной стороны, дисцы нѣкоторыхъ родовъ вели свое происхожденіе отъ Пань-ху (подобно „хэй-лоло“, ведущимъ свое происхожденіе отъ (Бо)-Ма, „бѣлой лошади“), съ другой—тѣ же дисцы съ особеннымъ почтеніемъ относились къ собакѣ, что имѣетъ или тотемическое происхожденіе или указываетъ на то, что нѣкогда собака въ ихъ жизни играла видную роль.

Но когда же это было? Безъ сомнѣнія тогда, когда дисцы жили еще въ своей прародинѣ, о которой преданіе (Авеста) гласитъ, что тамъ десять мѣсяцевъ въ году была зима. Отсюда, изъ этой субъ-полярной области (а не съ Памира), дисцы, подобно древнимъ иранцамъ, вынесли и ту привязанность къ собакѣ, которая впослѣдствіи обратилась въ культъ. Замѣчательно также, что дисцы приносили въ жертву Пань-ху рыбу.

О значеніи собаки въ обиходѣ древняго иранца легко заключить изъ нижеслѣдующихъ словъ Авесты: „вселенная держится разумомъ собаки“. У дисцевъ собака цѣнилась настолько высоко, что сынъ, убившій въ ссорѣ отца, получалъ отъ матери прощеніе, если приводилъ ей собаку.

Собаки, цѣнившіяся дисцами столь высоко, были большіе псы (*Ивановскій*, op. cit., I, стр. 39), очевидно, предки знаменитыхъ тибетскихъ густошерстыхъ бульдоговъ, краткія описанія коихъ можно найдти у Брэма, графа Сечени (op. cit., стр. CLI), Потанина („Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголія“, стр. 241) и другихъ путешественниковъ. Эти бульдоги подходятъ ближе всего, по сложенію и росту, къ неменѣе знаменитымъ с.-бернадскимъ собакамъ и ирландскимъ меделянамъ. Не представляется поэтому невѣроятнымъ, что ихъ привели въ провинцію Камъ и Сычуань (на плоскогоріи Тибета ихъ нѣтъ) дисцы.

[1]) *Klaproth*—„ „Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 111.

[2]) *Schott*, op. cit., стр. 444.

Да и по нынѣ еще тунгузы [1]) въ своемъ характерѣ сохранили много дѣскихъ чертъ. Кастренъ выразился однажды, что тунгусовъ можно назвать „дворянами среди инородцевъ Сибири“ [2]), и Миддендорфъ вполнѣ согласился съ вѣрностью подобнаго заключенія. Онъ не можетъ достаточно нахвалиться ихъ ловкостью и увѣренностью въ движеніяхъ, ихъ стройностью, ихъ, наконецъ, рыцарскими особенностями характера. Впрочемъ, подобное же впечатлѣніе производили они на всѣхъ путешественниковъ безъ исключенія. „*Мужествомъ* и человѣчествомъ и смысломъ, писалъ 175 лѣтъ тому назадъ Ганстенъ [3]), тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ“. Штраленбергъ отзывался о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Изъ всѣхъ народовъ Сибири тунгусы выдѣляются своей силой, ловкостью и наиболѣе *высокимъ ростомъ*: *они очень напоминаютъ италіанцевъ;* вмѣстѣ съ симъ это единственный въ Сибири народъ, который и въ наши дни (писалось въ 1730 году) *удержалъ у себя обычай татуировки* [4]). Тунгусы пишетъ Миддендорфъ [5]), это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ

Чэ-су.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

[1]) Сами себя тунгусы называютъ или „бо-ѣ“, „бо-я“, что значитъ „человѣкъ“, или „донки“ (дунъ-хо)—люди. Близкое къ тунгусамъ племя—орочоны называютъ себя öwön, owönki (аваньки у русскихъ); это, безъ сомнѣнія, „увань“ танскихъ временъ (*Іакинфъ* — „Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи“, I, 2, стр. 441).

[2]) *Castren*—„Reiseberichte und Briefe aus den Jarhen 1845—1849“, стр. 250 (цит. по *Миддендорфу*—„Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири“, стр. 702).

[3]) „Записки Гидрографическаго Департамента“, IX, стр. 56 (цит. по *Миддендорфу*—op. cit., стр. 702).

[4]) „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet“, etc., стр. 135.

[5]) „Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири“, стр. 704.

альповъ. Они обладаютъ извѣстною выправкой, исполнены приличія, ловки, *предпріимчивы до отваги*. живы, откровенны, *самолюбивы, охотники наряжаться*, но вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически. Если мы хотимъ продолжать свое сравненіе съ европейскимъ населеніемъ горъ, то мы должны будемъ передвинуться дальше на западъ; только тамъ, пожалуй, можно еще встрѣтиться съ *беззаботною удалью* тунгуса, который, въ своей первобытности, главнымъ образомъ, хлѣбосолъ, любитель удовольствій и вѣтреникъ. *Тунгусъ очень подвиженъ*: не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь съ самыми различными племенами. *Жизнь тунгуса представляетъ вообще поразительную смѣсь кочеванья съ осѣдлостью...* [1]). Нерѣдко онъ строитъ себѣ небольшой постоянный срубъ изъ *отвѣсно поставленныхъ бревенъ*; но онъ никогда не привязывается къ этому дому и, если нужно, тотчасъ же покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иногда—навсегда.

Вотъ, какъ описываетъ Миддендорфъ свое прибытіе въ становище тунгусовъ.

Караванъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ винтовокъ. Собравшіеся тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха... За стрѣльбой послѣдовалъ балъ, при чемъ въ средѣ тунгусовъ *разразилось какое-то плясовое бѣшенство энтузіастовъ*. Сначала образовался маленькій *кружокъ, въ перемежку мужчинъ и женщинъ*, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ. *Схватившись за руки*, они начали довольно хитрую пляску, заключавшуюся въ передвиженіи ногъ въ стороны. Вскорѣ, однако, круговая пляска оживилась, движенія обратились въ скачки и припрыгиванья, все тѣло заходило ходуномъ, лица разгорѣлись, восклицанія стали шумнѣе, восторженнѣе. Вскорѣ сбросили сначала полушубки, а потомъ и мѣховые штаны. Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Зрители то и дѣло срывались съ мѣста и исчезали въ вихрѣ пляшущихъ. „Хурья, хурья! хюгой, хюгой! хогюй, хогюй! хумгой, хумгой! хакэ, хакэ! эханьдо, эханьдо! хэрга, хэрга!“ и т. п. восклицанія становились все громче... И пляска кончилась только тогда, когда голоса у танцоровъ осипли, а члены перестали двигаться отъ изнеможенія. За этою демонскою пляскою послѣдовалъ чай съ *пуншемъ*. Къ стыду нашего общества я долженъ замѣтить, что тѣ же самые тунгусы

[1]) Тоже можно сказать вообще про всѣхъ дикцевъ.

какъ бы преобразились и соблюдали самое сдержанное приличіе... Затѣмъ настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ мнѣ опять наши европейскія краснорѣчивыя націи... Рѣчи приняли высокій полетъ... [1]).

Тунгусы, вообще, *большіе любители кутежей* и заработанныя деньги спускаютъ самымъ легкомысленнымъ образомъ. На сборища женщины, въ особенности же дѣвушки, являются всегда *сильно разряженными.* Но мужчины ни въ чемъ имъ *не уступаютъ*... Въ сравненіи съ суммами, растрачиваемыми тунгусами на пирушки, цѣны, платимыя ими за женъ, очень умѣренны. При этомъ надо имѣть также въ виду, что *жена входитъ въ домъ мужа не безприданницей.* Нерѣдко даже приданое жены служитъ основнымъ фондомъ, на которомъ строится благосостояніе будущихъ супруговъ, такъ какъ у тунгусовъ не въ обычаяхъ надѣлять сыновей послѣ женитьбы.

У тунгусовъ, пишетъ князь Дадешкаліани [2]), отецъ — глава и полный господинъ семьи. „Но въ отношеніяхъ его къ дѣтямъ и жены *совсѣмъ не наблюдается рабской зависимости послѣднихъ,* какъ это мы находимъ у гольдовъ и ороченовъ. Напротивъ, отношенія отца къ членамъ семьи самыя гуманныя, любовныя. Многоженство или сожитіе, кромѣ жены, съ наложницами совершенно неизвѣстны тунгусамъ... [3]). Уплата калыма, вслѣдствіе бѣдности, производится по частямъ и совершается такъ: *женихъ переселяется къ родителямъ невѣсты и половину заработка вноситъ въ ихъ домъ.* Какъ скоро условленная сумма выплачена, молодые отправляются на житье въ домъ родителей мужа... *Отецъ давленія на выборъ дочери никакого не оказываетъ. Она вольна принимать или не принимать предложенія*“.

Вообще, у тунгуса замѣчается такая же любовь къ индивидуаль-

---

[1]) Подобный же характеръ танцевъ наблюдается и у южныхъ дисцевъ. Такъ, у хэй-лоло молодые люди и дѣвушки, взявшись за руки, образуютъ кругъ и танцуютъ подъ звуки свирѣли (*Ивановскій*, op. cit., II, стр. 13); у голо родовъ шуй, янъ, линъ, яо и тунъ „мужчины и женщины образуютъ кругъ и, взявшись за рукава, пляшутъ“ (ib., стр. 109); у бѣлыхъ лоло „парни и дѣвушки, смѣшанно собравшись, берутся за руки, образуютъ кругъ... и пляшутъ (ib., стр 9,; у племени „ѣ-ланъ“ танцоры становились въ кругъ, брались за руки и отбивали ногами тактъ (*d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 143), и т. д.

[2]) „Часть Амурской области между рѣками Буреею и Амгунью“ въ „Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи“, XXXII, стр. 278.

[3]) Среди черныхъ лоло господствуетъ моногамія; только глава племени имѣетъ трехъ женъ, а его замѣститель (помощникъ) двухъ (См. Colborne Baber — „Trav. a. Res. in the int. of. Ch.“, глава IV).

ной свободѣ, какъ и у южнаго диеца. *Всѣ ихъ старшины* какъ родовые, такъ и вѣдомственные, *выборныя лица* [1]). „До покоренія тунгусовъ русскими, пишетъ Латкинъ, *между ихъ племенами постоянно происходили раздоры и побоища.* У нихъ и теперь еще сохранились преданія о славныхъ бойцахъ и воителяхъ, къ которымъ обыкновенно примыкали болѣе малочисленныя и небогатыя семьи, и *такимъ образомъ образовались ихъ роды* [2]), такъ что подобный боецъ или воитель составлялъ *ядро*, около котораго *группировались его сородичи и соратники*, тѣмъ болѣе, что такой богатырь почти со всѣми былъ еще и въ кровномъ родствѣ, вступая въ супружество съ дочерьми примкнувшихъ къ нему семьянъ, которые считали за великую для себя честь породниться съ богатыремъ... *Въ старые годы между тунгусами существовала вендета или наслѣдственная месть за кровныя обиды...* Прежде тунгусы отличались мужествомъ, отвагою, ловкостью, добросердечіемъ и правдивостью... Характеръ у нихъ, вообще, *пылкій и легко возбуждающійся;* вмѣстѣ съ тѣмъ тунгусъ безусловно ловкій и неустрашимый охотникъ. Тунгусы *хорошо владѣютъ кузнечнымъ инструментомъ,* даже сами выдѣлываютъ охотничьи винтовки... Лѣтомъ, при рыбной ловлѣ, плаваютъ въ легкихъ берестяныхъ лодкахъ съ плоскимъ днемъ, удобнымъ для переноски на головѣ и весьма неустойчивыхъ для непривычнаго, но тунгусъ не боится въ ней плыть черезъ стремнины и пороги, бойко гребя весломъ. Противъ воды они въ этихъ лодкахъ настолько быстро идутъ, что обгоняютъ тихоходные енисейскіе пароходы... Въ тайгахъ тунгусу всюду дорога... Тунгусы не боятся и медвѣдя; нѣкоторые бьютъ его одинъ на одинъ изъ своихъ небольшихъ винтовокъ; подчасъ же выходятъ на него, имѣя въ рукахъ только пальму (ножъ, прикрѣпленный къ палкѣ)“... У Латкина мы находимъ еще одно интересное указаніе, которое заслуживаетъ быть приведеннымъ; „*Тунгусы*, говоритъ онъ, *при круговомъ танцѣ, вокругъ воткнутой въ землю палки, припѣваютъ въ тактъ, переступая съ ноги на ногу, — и такъ проводятъ иногда всю ночь*“ [3]).

---

[1]) *Кн. Дадешкеліани*, ib., стр. 270.

[2]) То-же существовало и у ухуаньцевъ. Китайцы пишутъ: „Постоянныхъ прозваній не имѣютъ, а имя сильнаго старшины обращаютъ въ прозваніе“ (*Іакинфъ*, op. cit., I, стр. 152).

[3]) „Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее“, стр. 123 и слѣд. О тунгусахъ подробнѣе см. *Грумъ-Гржимайло* — „Описаніе Амурской области“, стр. 361—373.

Мы знаемъ уже, что усуни первоначально жили въ южномъ Алтаѣ [1]); въ южную же Сибирь удалились впослѣдствіи и нѣкоторые роды дисцевъ (дили, динлины). Такимъ образомъ уже a priori слѣдуетъ допустить, что черноволосые аборигены этой страны [2]) (главнымъ образомъ уйгурскія поколѣнія) должны были имѣть значительную примѣсь крови бѣлой расы. Подкрѣпить это предположеніе какими-либо историческими свидѣтельствами мы, къ сожалѣнію, не можемъ; но за то мы располагаемъ данными, которыя, въ виду вышеизложеннаго, могутъ считаться весьма цѣнными. Уйгуры, говоритъ намъ исторія, подраздѣлялись на множество независимыхъ другъ отъ друга родовъ [3]), имѣли выборныхъ старшинъ, отличались, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ своей исторической жизни, свободолюбіемъ (что и служило имъ главною помѣхой къ сплоченію въ одно политическое цѣлое) и чрезвычайною храбростью; на ихъ долю выпало играть на сѣверѣ Средней Азіи ту же роль, которую искони играли дисцы на югѣ, съ тою лишь разницей, что силами дисцевъ распоряжались черноволосые и короткоголовые китайцы, а ихъ силами „геройствовали“ черноволосые и короткоголовые тукіесцы [4]), въ обоихъ случаяхъ представители одной расы—болѣе пассивной и консервативной, съ менѣе развитымъ чувствомъ индивидуальной свободы, но въ то же время проявляющей большую любовь къ родинѣ, а потому и болѣе способной образовать прочный государственный организмъ.

Замѣтимъ еще, что въ свадебныхъ обрядахъ уйгуровъ сохранилось дикое вліяніе: сторона жениха отбирала изъ табуна, припад-

---

[1]) См. выше.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что китайскій посолъ Чжанъ-кянь указывалъ на окрестности Дунь-хуана, какъ на первоначальную родину усуньцевъ, гдѣ они жили по сосѣдству съ юэчжи (*Іакинфъ* — „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, III, стр. 65). То же извѣстіе находимъ мы и у *Успенскаго*, который пишетъ: „Въ Ши-цзи (историческіе записки) замѣчено весьма коротко и осторожно, что въ области Гуа-чжоу, въ періодъ между Цинь-ской и Ханьской династіями, обиталъ народъ усунь, потомъ юэчжи и, наконецъ, прогнавшіе ихъ гунны...“ („Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай“ въ „Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, по отд. этнографіи, VI, стр. 107).

[2]) Неолитическій человѣкъ южной Сибири былъ короткоголовымъ.

[3]) Это говорятъ не только китайскіе, но и мусульманскіе историки, а именно: Рашидъ-эд-Динъ, Абуль-Гази и Джувейни (см. *Радловъ*—„Къ вопросу объ уйгурахъ“, стр. 41, 54, 56).

[4]) *Іакинфъ*—„Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 2, стр. 373.

лежавшаго родителямъ невѣсты, лучшихъ лошадей, самъ же женихъ, какъ кажется, нѣкоторое время проводилъ въ домѣ тестя [1]).

---

[1]) *Іакинфъ*, ib., стр. 250.

Среди уйгуровъ было одно поколѣніе, которое носило названіе „сары-уйгуръ", то-есть желтыхъ (а Ремюза пишетъ — желтоголовыхъ,—„Hist. de la ville de Khotan", стр. 95). Сопоставляя имѣющіяся у насъ свѣдѣнія объ этихъ желтыхъ уйгурахъ, я прихожу къ тому заключенію, что нѣкогда они жили между Хотаномъ и урочищемъ Гасъ, то-есть въ мѣстности, которую и до настоящаго времени населяетъ племя блондиновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ мачинцевъ. Нужно полагать, что магометанство введено было у нихъ насильно, такъ какъ при этомъ часть народа, пожелавшая сохранить свою древнюю религію, должна была выселиться на востокъ „неизвѣстно куда" (*Пржевальскій*—„Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи", стр. 430). Если бы намъ удалось доказать, что нынѣшніе мачинцы потомки сарыуйгуровъ, то не представлялось бы затрудненій отыскать и ихъ восточную вѣтвь въ лицѣ шира-ёгуровъ, населяющихъ нынѣ Нань-шань.

Откуда явилось это названіе „мачинъ"? Сами мачинцы того мнѣнія, что коренное названіе ихъ племени было „ма", что явились они въ Кэрійскія горы изъ Индіи (?) и только по смѣшеніи съ китайцами (чинъ) получили названіе мачинъ.

Не отрицая былаго вліянія Индіи на восточно-туркестанскую культуру, а также возможность и даже вѣроятность такихъ переселеній, я все же не думаю, чтобы „ма" были выходцами изъ Индіи. И это потому, что до своего обращенія въ мусульманство „ма" были не буддистами, а шаманистами. Это видно изъ обрядовъ и суевѣрій, подмѣченныхъ у нихъ Пржевальскимъ: болѣзнь они приписываютъ злому духу; изгоняя его, они... громко кричатъ, бьютъ въ бубенъ и, вообще, стараются производить какъ можно болѣе шума... Послѣ чьей-либо смерти, близкіе родственники покойнаго живутъ 40 дней на могилѣ... Они молятся ему (то-есть духу покойнаго) и приносятъ на могилу лепешки (то-есть приносятъ этому духу жертвы)... Они до сихъ поръ еще не перестали вѣрить въ колдовство и помнятъ, что нѣкогда поклонялись огню и имѣли идоловъ...

Что касается до племеннаго названія „ма", то намъ извѣстно, что оно принадлежало многимъ дискимъ родамъ (бо ма, ма, ма-пао и т. д.); нѣтъ ничего поэтому невозможнаго и въ томъ, что одинъ изъ такихъ родовъ оказался включеннымъ въ составъ уйгурскаго племени.

Что мачинцы сохранили еще и до сихъ поръ много чертъ дискаго характера, видно изъ слѣдующаго: пѣсни, музыка и танцы, говоритъ Пржевальскій, составляютъ любимѣйшія утѣхи мачинцевъ. Казаки Пржевальскаго характеризовали ихъ такъ: „счастіе, что этотъ народъ не знаетъ водки, а то бы совсѣмъ съ пути сбился". При своей склонности къ разгульной жизни, мачинцы весьма любятъ ходить другъ къ другу въ гости и устраивать общія веселья. Даже на работу они не забываютъ брать музыкальные инструменты... Ихъ характерную черту составляетъ любовь какъ къ дѣтямъ, такъ и, вообще, родственниковъ между собою. При нуждѣ они всегда готовы помочь другъ другу. Разводъ у нихъ совершенно свободенъ; рѣдкая женщина не мѣняла нѣсколько разъ мужей. Вступаютъ въ бракъ даже съ близкими родственниками, но многоженства у нихъ, за рѣдкими исключеніями, не существуетъ. Пржевальскій далѣе пишетъ, что мачинцы

О вымершихъ аринахъ Messerschmidt передаетъ намъ, со словъ

трусливы, лживы, развратны (въ чемъ, однако, могъ бы выражаться этотъ развратъ?) и, вообще, надѣлены всевозможными пороками... Но это указывало бы лишь на то, что народъ этотъ, смѣшавшись со всевозможными тюркскими и монгольскими элементами, регрессировалъ и потерялъ самыя привлекательныя черты своего характера... Что касается наружнаго типа мачинцевъ, то въ немъ ясно видна смѣсь монгольской расы съ кавказскою (у Пржевальскаго — съ арійскою), съ преобладаніемъ, однако, послѣдней надъ первою. По словесному заявленію Роборовскаго, ему доводилось видѣть среди мачинцевъ субъектовъ (дѣтей), имѣвшихъ совершенно бѣлокурые волосы и голубые глаза.

Достойно вниманія, что шира-ёгуры подраздѣляются на роды: па-га-*ма-джа* у-га *ма-джа*, сы-га-*ма-джа*, ши-и-га-*ма-джа*, ши-у-га-*ма-джа*; если отбросить китайскія числовыя приставки—па-га, у-га, сы-га, ши-и-га и ши-у-га, то останется для всего народа наименованіе *ма-джа*, весьма близкое къ *ма-чинъ*. Потанинъ, у котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія о подраздѣленіи шира-ёгуровъ, говоритъ, что хотя ёгуры и помнятъ, что они въ Нанъ-шанѣ пришлый народъ, но уже забыли откуда („Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія“, I, стр. 442). Среди хара-ёгуровъ удержалось наименованіе костей „(р)комджюкъ“ (Кемчикъ?), „кырхысъ“, „уйратъ“, что указываетъ на Алтай, какъ на ихъ прародину. О сары-уйгурахъ къ востоку отъ Хогана исторія упоминаетъ впервые въ исходѣ XI вѣка.

Къ книгѣ Потанина приложена фотогипія, изображающая хара-ёгура. Черты лица этого хара-ёгура носятъ ясные слѣды кавказскаго типа (глаза, носъ, губы. отчасти—лобъ).

О племени „ма-чинъ“ мы читаемъ у *Herbelot* („Bibliothèque Orientale“, стр. 677): „Les Muselmans disent, que tous les biens nous sont venus par les descendans de Sém et tous les maux par ceux de Japhet, du quel sont venus les Jagiouges et Magiouges, qui sont Gog et Magog, *Tchin* et *Matchin*..., peuples qui habitent les vastes campagnes, nommées Kipchak“. Абульгази также пишетъ о „чинахъ“: „Ежегодно Огузъ-ханъ воевалъ съ народами, жившими въ Монголіи, побѣждалъ ихъ и впослѣдствіи покорилъ ихъ всѣхъ. Спасшіеся бѣгствомъ нашли защиту у хана татарскаго, а татары обитали тогда близъ Чюрчита, большой страны, гдѣ было много городовъ и деревень и которая лежала къ сѣверу отъ Китая. Эту страну индійцы и таджики называютъ *Чинъ*“ (*Радловъ*—„Къ вопросу объ уйгурахъ“, стр. 47).

Еще раньше, а именно до Р. Хр., индусы (законы Ману) и самый Китай называли Чинъ и Маха (большой) Чинъ, названіе, которое могло возникнуть въ ту эпоху, когда страна эта находилась подъ Чжоу'ской династіей. Монголы же подъ именемъ Чинъ и Мачинъ разумѣли южный (маньскій) Китай. (См. *Березинъ*—„Исторія монголовъ Рашидъ-эд-Дина“ въ „Зап. Имп. Археол. Общ.“, XIV, стр. 31, 51, 102, 114, 146 и 236). Наконецъ, горныя племена (бѣлой расы), населяющія верхнюю Бирму и до нашихъ дней, удержали наименованіе „чинъ“ и „качинъ“. Однимъ словомъ, мы видимъ, что племенныя названія чинъ и ма-чинъ охватываютъ огромное пространство, которое нѣкогда занимали народы несом-

туземцевъ, что они отличались необыкновенною отвагой. Въ ихъ

нѣнно дискаго происхожденія. (О наименованіяхъ чинъ Ма-чинъ см. также *Richthofen*—„China", I).

Если мы, однако, признаемъ, что между сибирскими мачинцами и мачинцами Кэрійскихъ горъ существуетъ не только сходство племенныхъ прозваній, но и племенное сродство, то неминуемо должны будемъ придти и къ другому, чрезвычайно важному заключенію, а именно, что древніе уйгуры были народомъ смѣшаннаго происхожденія, притомъ съ преобладаніемъ дискаго элемента, и что сами себя они называли не уйгурами, а мачинцами или ма-джа.

Принимая эту гипотезу, мы не затруднимся разъяснить себѣ и свидѣтельства европейскихъ историковъ о существованіи σαράγουροι, ὀνόγουροι, κοτρίγουροι, οὐτίγουροι, наконецъ, οὔγουροι и другихъ одноименныхъ племенъ на тѣхъ именно мѣстахъ, которыя впослѣдствіи стали извѣстны подъ названіемъ Onogoria, Угорской Руси, Югры. Припомнимъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ башкиры, вотяки, пермяки, зыряне и обскіе остяки были по преимуществу рыжеволосыми и голубоглазыми (*Strahlenberg* — „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet", etc., стр. 165; *Müller*—„Sammlung Russischer Geschichte", III, стр. 315). *Дисци смѣшались здѣсь съ черноволосыми финнами* (многіе, и въ ихъ числѣ Кастренъ, высказывали мнѣніе, что рыжій цвѣтъ волосъ присущъ преимущественно финнамъ. Это невѣрно. Предки финновъ были, повидимому, черноволосою, короткоголовою расой (лопари, вогулы, черемисы, пермскіе и уфимскіе мещеряки, то-есть наименѣе смѣшанныя финскія племена — черноволосые), смѣшавшейся съ дисцами на юго-востокѣ и бѣлокурыми скандинавами на сѣверозападѣ. Вѣроятно, первоначальный цвѣтъ волосъ у длинноголовой расы былъ золотистый, который впослѣдствіи далъ разности: бѣлобрысую (albicomus) и рыжую. Ausonius пишетъ, что шведская дѣвушка имѣетъ голубые глаза и золотистые волосы; Lucanus также пишетъ—„flavi suevi"; далѣе мы имѣемъ нижеслѣдующія свидѣтельства: Claudianus—„flavi sicambri"; Martialis — „flavorum genus Usipiorum"; etc., древніе бритты имѣли также золотистые волосы (Lucanus); но германцы были рыжеволосыми. Tacitus пишетъ: „truces et caerulei oculi, rutilae comae, magna corpora"; Calpurnus Flaccus: „rutili sunt Germanorum voltus et flavi proceritas". Рыжеволосыми же были кельты (Dio Cassius), галлы (Ammianus Marcellinus), каледонцы (Tacitus); нѣкоторые изъ перечисленныхъ рыжеволосыхъ племенъ имѣли сѣрые глаза и прямые волосы—доказательство метисаціи; послѣднее Vitruvius подмѣтилъ и у бриттовъ. Среди бельгійцевъ попадались индивидуумы какъ съ золотистыми, такъ и рыжими волосами. Къ совершенно бѣлокурой расѣ принадлежали, какъ кажется, готы) *подобно тому, какъ восточнѣе они смѣшались съ тюрками, въ обоихъ случаяхъ образовавъ различныя этническія группы, бывшія, однако, извѣстными подъ общимъ племеннымъ ихъ прозваніемъ.*

Эта гипотеза съ достаточною полнотой разъясняетъ также, почему венгры (угры, Ungarn) называютъ себя мадьярами (маджарами, Magyar), подобно тому, какъ и наньшанскіе шира-ёгуры—маджа: ма-чинъ, ма-джа(р) — ихъ собственное

обычаяхъ сохранилось еще кое-что общее съ ухуаньцами; такъ, напримѣръ, ссылка преступниковъ [1]). Извѣстно также, что арины и котты оказали наиболѣе энергичное сопротивленіе русскимъ и въ союзѣ съ киргизами нападали даже на Красноярскій острогъ.

Обскіе остяки передавали Messerschmidt'у, что ихъ страну нѣкогда населялъ воинственный народъ, управлявшійся старшинами и имѣвшій особое письмо [2]). Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, о пѣгой ордѣ, остатки которой въ ту эпоху (1721 г.) еще сохранялись кое-гдѣ въ Нарымскомъ краѣ [3]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что какъ сѣверные, такъ и южные дисцы отличались одними и тѣми же чертами своего племеннаго характера: горячимъ темпераментомъ, презрѣніемъ къ смерти, рѣшительностью и необыкновенною отвагой; это были воины по натурѣ, по призванію: они вступали въ борьбу ради самой борьбы и, дорожа своею индивидуальною свободой, не выносили подчиненія, въ какой бы формѣ послѣднее не проявлялось. Будучи подвижными, энергичными, дѣятельными и въ то же время не отличаясь большою привязанностью къ родинѣ, они покидали послѣднюю, когда условія жизни

прозваніе: уйгурами же ихъ называли тюрки и монголы. У послѣднихъ и донынѣ существуетъ слово „уйгуръ“ для обозначенія „чужестранца“ (*Schmidt* — „Forschungen auf dem Gebiete der Völker Mittelasiens“, стр. 95).

Среди камасинцевъ имѣется поколѣніе „мадоръ“; можетъ быть это наименованіе должно быть поставлено въ связь съ „ма-джа“; *Klaproth* („Asia Polyglotta“, стр. 153) приводитъ для него еще и другое названіе — мади (mati ма-ди); но *Müller* („Sammlung Russischer Geschichte“, VI, стр. 553) утверждаетъ, что „мади“ былъ отдѣльный родъ среди енисейскихъ татаръ; о нихъ онъ выражается такъ: „Sie müssen ein besonderes Geschlecht eines anderen Volks gewesen sein“. Поколѣніе же маттаръ имѣется и у сойотовъ (*Klaproth*, op. cit., стр. 148—149).

[1]) *Klaproth* — „Asia polyglotta“, стр. 167—168. См. также *Strahlenberg* — „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das gantze Russiche Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet“, etc., 1730, стр. 86.

[2]) *Klaproth* — Mémoires relatifs à l'Asie, I, стр. 170; „Asia Polyglotta“, стр. 193.

Они сообщали также Штраленбергу, что и литые изъ металла идолы остались имъ въ наслѣдіе отъ этого народа (op. cit., стр. 313). Ср. *Müller* — „Sammlung Russsicher Geschichte“, VI, стр. 161, 162.

[3]) *Klaproth*—Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 126. То, что Шраленбергъ (op. cit., стр. 166) пишетъ о встрѣченныхъ изъ индивидуумахъ этого племени, свидѣтельствуетъ только, что у русскихъ подъ именемъ „пестрыхъ“ былъ извѣстенъ не отдѣльный народъ, а метисы рыжеволосыхъ, съ тонкой бѣлой кожей, и смуглыхъ черноволосыхъ.

въ ней измѣнялись, и расходились все дальше въ поискахъ странъ, гдѣ ихъ соціальная жизнь, въ формѣ мелкой общины, управляемой выборными старшинами, могла имѣть еще мѣсто. Гдѣ бы, однако, дисцы ни жили, ихъ главными и излюбленными промыслами всегда были охота и рыбная ловля, которыя вполнѣ удовлетворяли ихъ бродячимъ наклонностямъ, ихъ предпріимчивой натурѣ, въ высшей степени самостоятельной и рыцарской; они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были деспотами ни въ семьѣ, ни въ кругу своихъ рабовъ [1]) и подчиненныхъ. Въ силу этихъ расовыхъ особенностей характера, а также отсутствію въ ихъ натурѣ похотливости, дисцы являются въ Азіи единственнымъ народомъ, у котораго моногамія составляла первичную и основную форму брака. Но будучи бродячимъ народомъ, дисцы легко воспринимали и элементы культуры: китайцы даютъ намъ на этотъ счетъ множество доказательствъ. Воспріимчивые, легко возбуждающіеся, дисцы искали общества. Ихъ собранія, отличавшіяся рѣдкимъ весельемъ, сопровождались музыкой и пляской. Про нихъ китайцы писали, что „они умѣли весело пить вино", не дѣлаясь мрачными пьяницами, подобно сосѣдямъ—чернымъ короткоголовымъ. Ихъ любовь къ дѣтямъ и родственникамъ поражала китайцевъ. Они всегда были готовы помочь своимъ одноаульцамъ или односельчанамъ, и эта характерная ихъ черта всецѣло удержалась и у ихъ потомковъ: про сойтовъ, напримѣръ пишутъ [2]), что нѣкоторыя ихъ работы имѣютъ общественный характеръ. Вообще, на дисцахъ вполнѣ оправдывается та общая характеристика бѣлокурой расы, которую даетъ намъ Лапужъ.

Длинноголовые блондины, говоритъ онъ [3]), не были способны къ систематическому труду и бережливости; поэтому, не смотря на то, что имъ нельзя отказать въ извѣстной инициативѣ, ихъ техническое развитіе все же стояло бы у нихъ всегда на низкой ступени, такъ какъ для новыхъ открытій необходимъ прежде всего запасъ знаній, орудій и матеріаловъ, могущихъ послужить исходною точкой для новыхъ идей, а ихъ-то они и не въ состояніи были бы накопить; вотъ почему также у нихъ не могло бы возникнуть и болѣе сложныхъ общественныхъ установленій. Они жили бы исключительно

---

[1]) *Colb. Baber*—„Trav. a. Res in the int. of China", глава IV.

[2]) *Веселковъ*. См. Семеновъ и Потанинъ — „Дополненія" къ III тому „Землевѣдѣнія Азіи" Риттера, стр. 667.

[3]) Цит. по *Крживицкому* „Антропологія", стр. 320 и слѣд.

грабежомъ и охотой и вели бы бродячій образъ жизни, столь, впрочемъ, свойственный ихъ натурѣ. Для нихъ отечествомъ была вся вселенная. Будучи предпріимчивыми, они рѣшались на все и вступали въ борьбу изъ любви къ ней, а не изъ расчета на прибыль. Умственный ихъ кругозоръ былъ очень широкъ, ихъ пожеланія и помыслы—смѣлы, поступки же соотвѣтсвовали послѣднимъ. Прогрессъ—у нихъ врожденная страсть (оттого то они такъ и переимчивы). Они требовали уваженія къ индивидуальной свободѣ и скорѣе старались сами возвыситься, чѣмъ унизить другихъ. Вообще же, въ смѣшанномъ обществѣ они были активнымъ началомъ. Во время феодализма свѣтловолосые длинноголовые составляли дворянство, а художественные памятники Египта, Ассиріи и Халдеи доказываютъ, что высокорослый блондинъ и тамъ выступалъ въ качествѣ героя; типъ Ахиллесовъ и Агамемноновъ сохранился еще среди блондиновъ Скандинавскаго полуострова, да и римскіе патриціи имѣли то же происхожденіе... До завоеванія Галліи римлянами, говоритъ Лапужъ далѣе, въ ней насчитывалось около 5—6 милліоновъ населенія, короткоголовыхъ и блондиновъ. Чутъ ли не милліонъ погибъ въ войнахъ съ Цезаремъ и столько же продано было въ рабство. Мертвыми въ этой борьбѣ пали преимущественно энергичные блондины, поэтому послѣ пораженія Верцингеторикса Галлія становится самою трудолюбивой, за то и самою раболѣпною римскою провинціей. Искра возстанія вспыхнула лишь на сѣверѣ, гдѣ свѣтловолосые элементы были болѣе многочисленны. Такое положеніе вещей продолжалось нѣсколько столѣтій; возрастало богатство, но не слава. Постепенно, однако, спачала въ качествѣ союзниковъ, затѣмъ въ качествѣ побѣдителей. длинноголовые проникаютъ въ страну въ V и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страна оживаетъ. Нѣсколько сотъ тысячъ новыхъ пришельцевъ былс вполнѣ достаточно для того, чтобы раболѣпствующее населеніе въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ настроилось на воинственный ладъ. Засимъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ свѣтловолосые великаны разсѣивались отсюда по сосѣднимъ странамъ (крестовые походы, экспедиціи и войны феодаловъ). Въ позднѣйшемъ періодѣ эти элементы основывали колоніи, принимали участіе въ движеніяхъ реформаціи. Но всѣ эти походы, борьба за идею, движенія крестоносцевъ, инквизиція, отмѣна нантскаго эдикта уничтожили самые энергичные длинноголовые элементы, и когда они гибли, короткоголовый берегъ свои силы и побѣждалъ при помощи пассивнаго выжиданія. Великая французская революція, во главѣ которой по преимуществу стояли

блондины, лишь узаконила антропологическій фактъ — побѣды болѣе многочисленныхъ короткоголовыхъ надъ длинноголовыми блондинами. Наконецъ, современное политическое ничтожество Франціи является послѣдствіемъ господства короткоголовыхъ.

Къ этимъ выводамъ Лапужа большинство относится съ сомнѣніемъ. Дѣйствительно, они основаны на непровѣренномъ матеріалѣ. Но въ главныхъ чертахъ они безусловно вѣрны, и вся исторія дисцевъ служитъ тому доказательствомъ.

Въ силу вышеизложенныхъ причинъ численность бѣлокурыхъ можетъ возрастать лишь весьма медленно. Въ случаѣ же ихъ смѣшенія съ короткоголовыми идти даже быстро на убыль, такъ какъ метисы даютъ большой процентъ въ пользу послѣдняго типа. Именно, такая судьба постигла какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ дисцевъ.

Уже китайцы замѣтили, что у хагясовъ мужчинъ меньше, нежели женщинъ [1]), и что тоже явленіе обнаруживается и у южныхъ дисцевъ, напримѣръ, у лао [2]), ло-маней [3]) и рыжеволосыхъ ѣ-женей [4]); а позднѣе о тѣхъ же хагясахъ Абульгази писалъ, что *настоящихъ киргизовъ* [5]) *осталось уже немного, но что ихъ имя въ его время* [6]) *стали принимать тѣ монголы* (*тюрки*), *которые переселились въ бывшія киргизскія земли* [7]). Нынѣ же къ сѣверу отъ Гобійской пустыни нѣтъ уже ни одного рыжеволосаго племени: дисцы частью погибли здѣсь во взаимной борьбѣ, частью въ войнахъ съ короткоголовымя, частью же слились съ этими послѣдними, образовавъ нѣсколько смѣшанныхъ народностей, отличающихся болѣе высокимъ ростомъ, чѣмъ остальныя монголоподобныя племена; таковы казаки, сойоты, кость мэркытъ у торгоутовъ и т. д.

Насколько возможно судить теперь по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ извѣстіямъ о религіи дисцевъ, мы должны думать, что у нихъ одновременно существовали всѣ три стадіи религіознаго мышле-

[1]) *Іакинфъ*—„Собр. свѣд. о народн. Средней Азіи“, I, 2, стр. 443; *Klaproth*—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 88.

[2]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 54.

[3]) *Marquis d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 202.

[4]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 84.

[5]) Что Альбугази не считалъ киргизовъ тюрками, видно также и изъ слѣдующаго мѣста его исторіи: „Положительно неизвѣстно ни происхожденіе этого народа, ни его сродство съ другими народами“ (*Klaproth*—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 161).

[6]) Абульгази родился въ 1605 г.

[7]) *Klaproth*, op. cit., стр. 161.

нія, а именно—поклоненіе природѣ (тотемизмъ), шаманизмъ и, наконецъ, поклоненіе предкамъ, не развившееся въ антропоморфизмъ, можетъ быть, благодаря лишь тому обстоятельству, что дикой общинѣ были въ то время чужды монархическіе принципы. Припомнимъ, что у однихъ дисцевъ существовалъ культъ Пань-ху, въ которомъ болѣе древній тотемизмъ (культъ собаки) слился съ культомъ предка, у другихъ культъ лошади, который слился съ культомъ предка (Ма), что цоньскіе мани [1]), „ло-у“ [2]) и „мосѣ“ (mosso) [3]) поклонялись небу, „хейлоло“ [4])—звѣздамъ, „бэ“ [5])—духамъ горъ и деревьевъ, ухуаньцы [6])—небу, землѣ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, и т. д. Шаманы (даси, банма) играли у нихъ видную роль и обыкновенно призывались къ больному для изгнанія изъ его тѣла злаго духа. Но уже въ ту эпоху, въ которую застаетъ дисцевъ исторія, основой ихъ религіозныхъ воззрѣній былъ культъ предковъ и героевъ [7]), культъ, который за время господства въ Китаѣ Чжоу'ской династіи получилъ полныя права гражданства и въ этой странѣ (даосизмъ, конфуціанство). Насколько у дисцевъ всѣ общественныя установленія были связаны съ поклоненіемъ предкамъ, видно хотя бы изъ того, что новобрачная, вступая въ домъ своего мужа, приносила жертву его предкамъ [8]) — обычай, который и до сихъ поръ удержался въ Китаѣ.

У дисцевъ не было настоящаго идолопоклонства; но они приносили жертвы изображеніямъ своихъ предковъ. Мысль ставить на могилахъ статуи явилась, конечно, у дисцевъ въ позднѣйшее время. Она возникла изъ предположенія, что духъ умершаго нѣкоторое время витаетъ надъ трупомъ. Для того, чтобы дать ему пріютъ, первоначально втыкались въ могилу сосновыя (?) вѣтви [9]), замѣнившіяся затѣмъ деревомъ и камнемъ, которымъ стали придавать человѣческую форму. Можетъ быть, однако, этой второй стадіи въ развитіи идолопоклонства предшествовалъ обычай ставить надъ могилой чучело по-

---

[1]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 4.
[2]) *Ивановскій*, ib., стр. 24.
[3]) *Ивановскій*, ib., стр. 44.
[4]) *Ивановскій*, ib., стр. 11.
[5]) *Ивановскій*, ib., стр. 31.
[6]) *Іакинфъ*, op. cit., I, стр. 154.
[7]) Такъ, напримѣръ, про ухуаньцевъ говорится, что они поклонялись духамъ умершихъ старшинъ, прославившихся своими подвигами (*Іакинфъ*, ib.).
[8]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 13.
[9]) Этотъ обычай еще сохранился у мяо-лоло (*Ивановскій*, op. cit., II, стр. 16).

койнаго. Китайцы сообщаютъ, что у „лао“ сохранился обычай сдирать у убитаго (умершаго?) человѣка, обладающаго густою бородой и бакенбардами, кожу съ лица, натягивать ее на бамбукъ и поклоняться такому чучелѣ какъ своему предку (демону, гую). Ему приносятся жертвы съ барабаннымъ боемъ и плясками, при чемъ ничто не жалѣется; неимущіе продаютъ себя даже въ рабство, чтобы только участвовать въ общемъ жертвоприношеніи [1]).

Вѣроятно, позднѣе статуи замѣнены были писанными изображеніями предковъ; такъ, мы знаемъ, что мяо, имѣвшіе общія могилы, покрывали стѣны „зала предковъ“ ихъ изображеніями [2]). Въ этой стадіи культъ предковъ или гуевъ перешелъ и къ китайцамъ, которые *стали по традиціи изображать ихъ рыжеволосыми*, при чемъ, однако, въ ихъ представленіи гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами — демонами. Это единственно возможное объясненіе того факта, что китайцы рисуютъ гуевъ рыжеволосыми.

И такъ, мы теперь можемъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ: кто служилъ оригиналомъ портрету, нарисованному на стѣнѣ нань-гучэнской кумирни и долженствовавшему изображать князя ада—Янъ-вана? Это былъ „ди“, но „ди“—метисъ, въ крови котораго уже текла кровь монгола.

Сохранились указанія, что уже во времена Чжоу'ской династіи китайцы имѣли обыкновеніе рисовать портреты чужеземныхъ пословъ и что тотъ же обычай удержался и въ послѣдующія времена; такъ, китайцы, напримѣръ, пишутъ: „Министръ Дэ-юй представилъ... такъ какъ хагясы открыли свободное сообщеніе съ Серединнымъ государствомъ, то надобно написать портретъ ихъ государя для показа будущимъ вѣкамъ“ [3]). „Янь-ши-гу представилъ докладъ, въ которомъ просилъ дозволеніе по примѣру Чжоу'скихъ исторіографовъ, во времена Ву-вана составившихъ Ванъ-хуй-бянь, составить Ванъ-хуй-ту, гдѣ были бы нарисованы и описаны одежда и убранство инородцевъ (маней)...“ [4]) и т. д. [5]). Болѣе систематическую работу въ этомъ направленіи предпринялъ императоръ Цянь-лунъ, по приказанію кото-

---

[1]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 39; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 108.

[2]) *Ивановскій*, op. cit., II, стр. 97.

[3]) *Іакинфъ*—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи“, I, 2. стр. 451.

[4]) *Ивановскій*, op. cit., I, стр. 59.

[5]) См. напримѣръ, *marquis d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 282 и 343.

раго былъ составленъ замѣчательный трудъ, озаглавленный Хуанъ-цзинъ-чжэ-гунъ-ту и представлявшій иллюстрированное описаніе инородцевъ Китая. Такіе альбомы могли, безъ сомнѣнія, служить прекраснымъ источникомъ для заимствованія и, надо думать, что и нань-гучэнскій художникъ имѣлъ одинъ изъ нихъ подъ руками, когда писалъ Янъ-вана и гуевъ.

Несравненно труднѣе опредѣлить, къ какому изъ дискихъ племенъ принадлежали оригиналы, съ которыхъ рисовали эти портреты. Если сравнить одѣяніе гуевъ и какого-нибудь „мяо-лоло“ прошлаго столѣтія, то оно окажется почти тождественнымъ. Но того же нельзя сказать про прическу, которая у гуевъ весьма своеобразна: волоса съ висковъ зачесаны у нихъ кверху, темя же, сплющенное въ гребень, выбрито.

Обычай придавать черепамъ особую форму среди дисцевъ, повидимому, не былъ распространенъ; онъ практиковался лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Восточнаго Туркестана, первоначально населеннаго также одними лишь племенами бѣлой расы. Такъ, Сюань-цзанъ говоритъ, напримѣръ, о жителяхъ владѣнія Цзѣ-ша: они имѣютъ „наружность пошлую и неблагородную. Зрачки у нихъ зеленые. Тѣло раскрашиваютъ. Новорожденнымъ въ обычаѣ приплющивать голову“ [1]). О Кучѣ онъ пишетъ также, что тамъ, „когда родится ребенокъ, ему сплющиваютъ голову, придавливая дощечками“, взрослые же стригутъ волосы въ плотную [2]). Обычай брить голову распространенъ былъ и у уханьцевъ [3]). Но, вообще, этотъ обычай дисцы могли заимствовать и у того народа, съ которымъ смѣшались, такъ какъ въ шоу-гуяхъ, ясно замѣтна значительная примѣсь чуждой крови: отсутствіе растительности на лицѣ, широкій подбородокъ у одного изъ гуевъ, выдающіяся скулы—все это свидѣтельствуетъ, что передъ нами метисы, удержавшіе весьма мало дискихъ чертъ. Въ той же нань-гучэнской кумирнѣ я замѣтилъ черноволосаго пигмея іо-чжэна, одѣтаго точь въ точь, какъ шоу-гуи, но представляющаго каррикатуру на человѣка: широкое, плоское, безволосое лицо, вмѣсто носа — двѣ дырки, выдающіяся надбровныя дуги, огромный ротъ и необыкновенной ширины подбородокъ, все это такія черты, которыя должны были

---

[1]) „Mémoires sur les Contrées Occidentales“ par Hiouen-Thsang, trad. du Chinois par St. Julien, II, стр. 219—220; *Григорьевъ*—„Восточный Туркестанъ“, стр. 144.

[2]) Ib., I, стр. 3—4.

[3]) *Іакинфъ*, op. cit., I, стр. 153.

измѣнить дикій типъ именно въ томъ направленіи, которое обнаруживается у нань-гучэнскихъ рыжеволосыхъ шоу-гуевъ. Но что же это была за человѣческая раса? Вѣроятнѣе всего, что это каррикатурное изображеніе негритоса, подобно тому какъ шоу-гуи—каррикатура на представителей какого-либо смѣшаннаго племени.

Іо-чжэнъ.

Тогда какъ шау-гуи — портреты людей, выхваченныхъ изъ народа, оригиналъ Янъ-вана, былъ вѣроятно, дѣйствительно старшиной племени; вотъ почему онъ и удержалъ болѣе дискихъ чертъ: большой ростъ, рыжіе густые усы и бороду, крупный носъ и т. д. Выбритое темя онъ покрывалъ оригинальною шапочкой, украшенной ушами (не была-ли эта шапочка изъ шкуры, снятой съ головы какой либо кошки?) и (вѣроятно) глазками павлиныхъ перьевъ; его верхнее платье—длинный халатъ съ воротникомъ, собранный на груди и подпоясанный кушакомъ съ металлическими бляхами, сдѣланное изъ шелковой матеріи, не носило никакихъ украшеній, наконецъ, на рисункѣ видны штаны и высокіе съ узкими и загнутыми носками сапоги, какіе были въ употребленіи только у горцевъ. Сходное одѣяніе, можетъ быть, мы и теперь могли бы найдти у инородцевъ южнаго Китая.

На этомъ я считаю возможнымъ закончить изслѣдованіе вопроса о томъ, въ силу какихъ причинъ китайцы рисуютъ своихъ гуевъ рыжеволосыми.

2007050455